

ЭШФОРД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Убариева Ирина

18+

Ирина Убариева

Эшфорд

«Автор»

2026

Убариева И.

Эшфорд / И. Убариева — «Автор», 2026

В восемнадцать лет Ребекка Миллер теряет родителей в автокатастрофе и думает, что хуже уже ничего произойти не может. Но среди оставленных ими вещей она находит письмо и узнаёт, что была удочерена незаконно. В старых документах обнаруживается ещё более страшная деталь. В ночь её рождения в калифорнийской клинике умерла Эвелин Эшфорд, а её новорождённую дочь официально записали мёртвой. Единственный человек, который может знать правду, — Джонатан Эшфорд, один из самых влиятельных людей страны. Ребекка проникает в его дом под видом помощницы, рассчитывая найти ответы и исчезнуть. Но чем ближе она подбирается к правде, тем очевиднее становится, что восемнадцать лет назад её не потеряли случайно. Кто-то сделал всё, чтобы дочь Эвелин Эшфорд никогда не существовала. И этот человек всё ещё рядом.

© Убариева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ирина Убариева Эшфорд

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

Глава 1

Свет ударил в глаза, и веки сжались сами. Я не понимала, где нахожусь. Мысли не складывались, грудь сдавливало, и каждый вдох отдавался ноющей болью где-то под рёбрами. Пахло стерильным и резким. Рядом что-то ровно щёлкало, отсчитывая секунды.

Я попробовала пошевелить рукой. В локтевом сгибе тут же потянуло тупой болью. Губы были сухими, язык тяжёлым. Я сглотнула, и от этого движения внутри всё неприятно дрогнуло.

Палата была светлой, но свет не грел. Он лежал ровным тонким слоем на белых стенах, на металлической стойке капельницы, на занавеске, которую едва шевелило вентиляцией. В окне, наполовину закрытом жалюзи, темнело.

Я не помнила, как сюда попала. Последнее, что осталось: шум дороги, влажный асфальт, свет фар, мамин голос, обрывок отцовского смеха. Потом удар. Потом ничего.

Я попыталась приподняться — и палата поплыла. К горлу подступила тошнота. Я вдохнула глубже, пережидая, и услышала, как приоткрылась дверь.

Вошла медсестра, лет сорока, в тёмно-синей форме, с аккуратно собранными волосами.

— О, вы очнулись, — сказала она негромко. Голос у неё был спокойный, будничный. — Это хорошая новость. Как себя чувствуете?

Я посмотрела на неё и открыла рот, но голоса не было. Сглотнула ещё раз. Горло скребло, как наждаком.

— Воды... — выдохнула я.

Она кивнула, налила из графина в бумажный стакан и поднесла к моим губам. Я сделала глоток, потом второй. Холодная вода прошла вниз и на секунду прояснила голову.

— Меня зовут Ким, — сказала медсестра, поправляя подушку. — Вы в больнице Святой Марты. Лёгкое сотрясение, ушибы, несколько швов. Жизни ничего не угрожает. Понимаете меня?

Я кивнула. Слова доносились как из соседней комнаты.

— Где... — Голос опять подвёл. — Где мама? Папа?

Ким проверяла капельницу и не сразу подняла глаза. А когда подняла, в них мелькнуло что-то, от чего мне стало холодно.

— Сейчас подойдёт врач, — мягко сказала она. — Он всё объяснит. Я только сниму показатели и позову его.

Простыня под ладонями холодела.

— Просто скажите. — Собственный голос прозвучал неестественно ровно. — Они здесь? Они...

Она вдохнула, будто собиралась ответить. Вместо этого накрыла мою руку тёплой ладонью.

— Врач сейчас придёт.

Меня это не успокоило. Если бы с мамой и папой всё было хорошо, мне сказали бы сразу. Такое говорят сразу.

Я хотела спросить ещё, но в горле встал ком.

Ким вышла, оставив дверь приоткрытой. В коридоре шаркали шаги, кто-то приглушённо переговаривался, проехала тележка.

Я смотрела в потолок и собирала память по кускам. Мне казалось, надо вспомнить что-то важное, но мысли проскальзывали мимо.

Минут через десять вошёл врач — высокий, в белом халате, с усталым лицом. На бейдже значилось: «Доктор Ричардс». Он сначала посмотрел на монитор и только потом на меня.

— Ребекка Миллер?

— Да.

— Я доктор Ричардс. Вы попали к нам после аварии. Состояние стабильное, но до завтра мы оставим вас под наблюдением. — Он замолчал, и дышать стало трудно. — Ребекка, я должен вам сообщить...

Желудок сжался, сердце тяжело ударило о рёбра.

— Они... — выдавила я и не смогла договорить.

Он придвинул стул и сел рядом с кроватью.

— Мне очень жаль. — Он говорил тихо и не прятал глаз. — Ваши родители погибли на месте.

Я смотрела на его губы и не понимала слов. Он как будто говорил на языке, которого я никогда не слышала.

Воздух застрял в горле. На секунду мне почудилось, что сейчас из-за двери выйдут люди с камерами и объявят, что это чудовищный розыгрыш. Со мной такого произойти не могло.

— Нет, — сказала я почти деловито. — Нет, вы ошиблись.

Он не стал спорить. Вот это напугало сильнее всего.

— Ребекка, у вас есть кому позвонить? Родственники, друзья. Кто-нибудь может к вам приехать?

В детстве я часто спрашивала про родню. Мне хотелось шумных семейных праздников, как у друзей. Родители переглядывались и отвечали одно и то же: «Мы давно с ними не общаемся, милая. Так будет лучше». Со временем я перестала спрашивать. Теперь внутри отчётливо прозвучало то, чего я боялась: я осталась одна.

— Я... — начала я и замолчала.

— Вам сейчас нужна поддержка, — осторожно продолжил он. — Мы можем пригласить психолога. Или связаться с человеком, которому вы доверяете.

Я машинально кивала — так было проще, чем думать. Его слова пролетали мимо.

— Можно... — сказала я наконец. — Можно мне домой?

Он чуть приподнял брови.

— Сегодня нет. Вы теряли сознание, у вас сотрясение, нам нужно убедиться, что нет осложнений. — Он помолчал. — Но я вас понимаю. Завтра, если всё будет стабильно, обсудим выписку.

Он встал.

— Я попрошу медсестру заглядывать. Если станет хуже или просто понадобится кто-то рядом — нажмите кнопку.

Я закрыла глаза. Он тихо вышел.

Я осталась одна с белым потолком и прибором, который продолжал отсчитывать секунды. Слезы так и не пришли.

Ким вернулась через минуту, снова сняла показатели, поправила одеяло.

— Хотите, посижу с вами немного?

Мне на секунду захотелось вцепиться в её руку, как в поручень. Вместо этого я покачала головой.

— Спасибо. Я просто хочу тишины.

Она кивнула и ушла.

Не знаю, сколько прошло времени. Я лежала и смотрела в окно. Иногда кто-то заходил, проверял приборы, спрашивал, не тошнит ли меня и не кружится ли голова. Я отвечала, что нет.

Когда я снова открыла глаза, за окном было солнце. В коридоре слышались шаги, и вошёл доктор Ричардс.

— Доброе утро, Ребекка. Как спали?

— Голова болит. Терпимо.

Он осмотрел швы, посветил мне в глаза фонариком и убрал его в карман.

— Первые дни возможны головная боль, слабость, раздражительность. Станет хуже — сразу звоните. А так я готов вас выписать.

Ким принесла мои вещи и помогла подняться.

Одежда была грязной и мятой. Я натянула её, стараясь не смотреть на бурые пятна на рукаве. Хотелось одного — добраться домой и смыть с себя больничный запах.

У выхода висело большое зеркало в металлической раме. Я увидела себя впервые после аварии и остановилась так резко, что человек за спиной чуть в меня не врезался.

Из зеркала смотрела чужая девушка. Лицо вытянулось, губы потрескались, под глазами залегли тёмные круги. Во взгляде не осталось ничего от той, которую я помнила.

На улице в лёгкие ударил холодный влажный воздух. Я поёжилась и запахла свитер плотнее. Тёплые сентябрьские дни кончились, начиналась промозглая осень.

— Ребекка?

У бордюра стояла полицейская машина, рядом — высокий, чуть сутулый мужчина в форме.

— Идите сюда. Я отвезу вас домой.

Я подошла, почти не чувствуя ног.

— Майкл Ривз, — представился он. — Сержант патрульной службы. Из больницы попросили вас подвезти.

— Спасибо. — Я забралась на заднее сиденье.

Он помедлил, подбирая слова, и не нашёл ничего лучше:

— Соболезную. Мне правда очень жаль.

Всю дорогу я смотрела на улицы, по которым раньше ездила с родителями. Люди шли по тротуарам, спешили на работу, стояли в очереди, сидели в кафе. Мир не остановился.

Когда мы подъехали, ноги снова ослабели. Я поблагодарила Ривза и пошла к двери. Дом выглядел брошенным. Ключ повернулся в замке с трудом.

В прихожей всё было на своих местах. Папина куртка на крючке. Мамины туфли ровно у стены. На тумбочке — запасные ключи от машины, которой больше не было.

Я прошла в гостиную. На диване лежал мамин плед, рядом планшет, на котором отец вечно во что-то играл. На столике осталась чашка с подсохшим чайным кругом. В доме по-прежнему пахло ванилью: мама расставила аромалампы во всех комнатах.

Я села на край велюрового дивана и огляделась. Телевизор был выключен. Часы на стене тикали оглушительно.

Я не плакала. Дошла до кухни, открыла холодильник и увидела контейнеры с едой, которую готовила мама. К горлу подступила тошнота, и я захлопнула дверцу.

На стене висел календарь с мамиными пометками: «оплатить счёт», «забрать костюм из химчистки», «Ребекка — собеседование в университет». Меня затрясло. Все их планы, мечты, вечерние разговоры на кухне оборвались в одну секунду, а календарь висел и ничего об этом не знал.

Я поднялась к себе. В комнате всё осталось как было: учебники, тетради, аккуратно сложенная одежда. На комодѣ стояла фотография с прошлогодней поездки в Калифорнию — мы втроѣм на пляже, шуримся от солнца и верим, что так будет всегда.

У шкафа я машинально посмотрела в зеркало на дверце и остановилась, как будто ждала, что отражение сейчас станет привычным. Глаза оставались сухими и чужими. Я коснулась повязки на виске — и меня вдруг накрыло злостью. Стиснув зубы, я её сорвала.

«Так-то лучше», — подумала я.

Достала чистую одежду и пошла в ванную. Горячая вода била по плечам и смывала запах больницы. Больше ничего она не смывала.

Потом я спустилась в гостиную. Дом опять встретил меня тишиной. Раздался короткий электронный сигнал. Я вздрогнула. Через несколько секунд он повторился.

Автоответчик. Старый домашний телефон стоял на тумбочке у дивана. Я сто раз уговаривала родителей выбросить эту рухлядь, но они только смеялись: им нравились вещи с историей. На панели мигал красный огонёк нового сообщения.

Я нажала кнопку. Сердце ударило так, что стало больно.

Щелчок, шорох, потом мужской голос — деловой, чуть напряжённый.

— Мисс Миллер, это Дэниел Харрис. Я адвокат, представляю интересы вашей семьи. Примите мои соболезнования. Нам необходимо встретиться, есть документы, которые требуют вашего присутствия. перезвоните, когда сможете, номер сохранится в определителе. Ребекка... мне правда очень жаль.

Автоответчик щёлкнул и замолчал.

И тогда оцепенение лопнуло.

До этой минуты всё происходило не со мной. Но чужой голос вошёл в наш дом. В гостиную, где мама с папой смотрели фильмы, смеялись и спорили о ерунде.

Ноги перестали держать, и я села на пол рядом с тумбочкой. В горле поднялся ком. Слёзы хлынули сразу и горячо — всё, что я удерживала со вчерашнего дня, наконец вырвалось наружу.

Я плакала долго, пока от боли не осталась одна усталость.

Когда я подняла голову, дом был всё такой же пустой. Изменилась только я.

Я вытерла лицо рукавом и встала, держась за тумбочку. Кто такой Дэниел Харрис? Почему родители ни разу его не упоминали — они ведь, как мне казалось, рассказывали мне всё?

Я набрала номер из определителя. Пальцы дрожали.

Гудок. Ещё один.

— Офис мистера Харриса.

— Это Ребекка Миллер. Мне... мне оставили сообщение. — Голос сорвался, но я заставила себя договорить.

— Мисс Миллер, да. Секунду, соединяю.

Пауза. Музыка ожидания, какая-то безнадёжно бодрая.

Потом тот же мужской голос, только живой.

— Ребекка, спасибо, что перезвонили. Как вы?

Вопрос показался почти неприличным, но пустой вежливости в нём не было.

— Я дома. Только что вернулась.

— По телефону я это обсуждать не стану. Нужно встретиться, желательно сегодня. Есть документы и несколько срочных вопросов. Могу прислать за вами машину.

— Сегодня? — переспросила я.

— Если сможете. Я подожду. А если тяжело ехать — скажите, водитель приедет к дому.

— Я доберусь сама.

— Хорошо. Записывайте: центр Сент-Пола, Wells Fargo Place, вход с Седьмой улицы.

Он продиктовал этаж и название офиса и добавил:

— На ресепшене назовёте фамилию. Если заблудитесь — звоните.

— Ладно, — тихо сказала я.

— И ещё, Ребекка. Не оставайтесь сегодня одна.

— Я скоро буду.

Я положила трубку, и в доме опять стало тихо.

Наверху я умылась. В зеркале отразились красные веки, бледная кожа, дрожащие губы. Ссадина под сорванной повязкой пульсировала.

— Дыши, — шепнула я отражению. — Просто дыши.

Центр Сент-Пола. Стеклянные башни, шум, вечная возня с парковкой — родители терпеть этого не могли. Они выбрали пригород ради тишины и безопасности и выбирались в

город только после долгих уговоров. Я смотрела на себя в зеркало и впервые думала: что, чёрт возьми, они от меня скрывали?

Я натянула джинсы, тёплый свитер, куртку. Замок на входной двери щёлкнул за спиной слишком громко.

Ехать я решила на такси. В машине было тепло, водитель молчал, радио не работало. За окном тянулись знакомые дома и деревья, магазин, где мама покупала хлеб, поворот, на котором папа каждый раз ругался на дорожный знак.

У Wells Fargo Place меня встретил холодный ветер. В вестибюле пахло кофе, и людской гул мешал собраться с мыслями.

Лифт пошёл вверх. Десятый этаж, двадцатый, тридцатый. На тридцать пятом заложило уши.

За дверями открылся офис, в котором не было ни одной лишней детали: тёмный камень, стеклянные перегородки, тёплое дерево стойки. На металлической табличке было выгравировано: «Harris & Co. Legal Services».

— Здравствуйте. Я Ребекка Миллер. Мистер Харрис меня ждёт.

Женщина в строгом костюме, с идеально уложенными волосами, подняла глаза и вежливо улыбнулась.

— Да, мисс Миллер. Проходите, я вас провожу.

Она вышла из-за стойки и повела меня вглубь. С одной стороны тянулись стеклянные кабинеты, с другой — высокие двери с минималистичными табличками. Я шла следом, и неизвестность давила на грудь.

У двери в конце коридора секретарь остановилась, легко постучала и приоткрыла её.

— Мистер Харрис, мисс Миллер пришла.

— Спасибо. Попросите её войти.

Секретарь отступила, пропуская меня.

Харрису было около сорока пяти. Тёмный костюм сидел безупречно, в тёмно-русых волосах у висков серебрилась седина. Светлые, почти серо-голубые глаза смотрели внимательно, но не давили.

Он поднялся навстречу, пожал мне руку и указал на кожаное кресло.

— Ребекка, садитесь. Чай, кофе? Или воды?

Я села на самый край, будто боялась занять слишком много места.

— Воды, пожалуйста, — хрипло ответила я.

Он налил, поставил стакан передо мной и сел напротив. На столе лежала папка с моей фамилией.

— Ещё раз примите мои соболезнования. Я знал ваших родителей почти десять лет, вёл их личные дела. Они были достойными людьми.

Я вскинула глаза. Мне казалось, я знаю всех их знакомых. Фамилия Харрис дома не звучала ни разу.

Он это заметил.

— Понимаю, вопросов много. На часть я отвечу сегодня. Но сначала нужно закрыть срочное: похороны, документы, счета. Я постараюсь снять с вас всё, что можно.

Он открыл папку и вынул несколько листов.

— Родители заранее позаботились о вашей защите. Оставили распоряжения и составили завешание.

Последнее слово ударило неожиданно больно. Харрис это увидел и замолчал.

— Простите.

Я жала пальцы, чтобы не дрожали.

— Продолжайте. — Я набрала побольше воздуха. — Продолжайте, пожалуйста.

— Дом полностью переходит вам.

Я смотрела на строки, но буквы расплывались. Я заставила себя поднять голову.

— Мне нужно что-то подписать?

— Сегодня — только доверенность на срочные формальности. Наследство оформим позже, я подготовлю бумаги и объясню каждую.

Он подвинул следующий лист.

— Есть страховка на автомобиль и два полиса страхования жизни. Вы указаны единственным получателем. После проверки страховая перечислит четыреста пятьдесят тысяч долларов.

Я сглотнула. Сумма звучала нереально. Когда они успели всё это устроить? И почему я ничего не знала?

— Сколько это займёт? — спросила я и тут же устыдилась вопроса.

— Обычно две-четыре недели. Я прослежу, чтобы не затягивали.

Он протянул мне ещё один документ.

— И образовательный вклад. Он покроет университет и сопутствующие расходы.

Я опустила взгляд на листы.

— Они всё это подготовили заранее?

— Да. — Он кивнул. — Они очень о вас беспокоились.

Он дал мне несколько секунд и вернулся к бумагам.

— В ближайшие двое суток полиция должна закрыть формальности по аварии. Параллельно нужно организовать похороны.

Он положил передо мной лист и подвинул ручку.

— Эта доверенность позволит мне представлять ваши интересы. Прочитайте. Что непонятно — спрашивайте.

Строки были пугающе ровными. Я прочла лист дважды и почти ничего не удержала в голове. Харрис ждал и не торопил.

Я взяла ручку и расписалась.

— Хорошо. — Он забрал лист. — Остальным займусь я.

Я слушала, но мысли уплывали. Я ловила себя на том, что разглядываю его руки, угол папки, пятно света на столе.

— И ещё кое-что. — В его голосе появилась осторожность.

Он достал тонкий конверт с надписью «Ребекке» и маленькую чёрную флешку.

— Ваша мама оставила это вам. Письмо и файлы. Просила передать только лично.

Сердце болезненно дёрнулось. Обычный конверт вдруг стал дверью, за которой ждала ещё одна жизнь.

Я взяла конверт и флешку. Пальцы дрожали.

— На сегодня хватит, — сказал Харрис, дав мне прийти в себя. — Машина отвезёт вас домой. Завтра я позвоню и сообщу, где пройдут похороны.

Я поднялась, держась за подлокотник.

— Спасибо.

— Понадобится что-нибудь — звоните. В любое время.

Он проводил меня до двери. Секретарь сказала, что машина ждёт у входа. Прижав конверт и флешку к груди, я пошла к лифту.

У тротуара стоял безупречно чистый чёрный Mercedes-Benz S-Class. Водитель в строгом пальто вышел мне навстречу.

— Мисс Миллер?

— Да. — Я прижала конверт и флешку к груди крепче, будто их могли отнять.

— Я Оливер. Отвезу вас домой.

Он открыл заднюю дверь. В салоне пахло кожей. Дверь мягко закрылась, шум улицы остался снаружи, машина плавно тронулась.

Я смотрела в окно. Центр уходил назад, здания становились ниже, улицы шире, шум тише. Возвращался знакомый пригород.

Оливер вышел первым и открыл мне дверь. Я поблагодарила его и пошла к дому.

Внутри опять была пустота.

Я поднялась к себе, села на кровать и обхватила колени.

— Мам... Пап...

Никто не ответил. Только тишина.

Конверт я держала долго, не решаясь открыть. Потом провела пальцем по краю и осторожно подняла клапан.

Достала письмо, прижала его к груди и закрыла глаза, собираясь с силами.

Глава 2

«Моя дорогая Ребекка. Если ты читаешь это письмо, значит нас с папой уже нет рядом. Прости, что узнаёшь правду так. Мы собирались рассказать тебе сами, но всё откладывали. Ты стала нашей дочерью, когда была совсем маленькой.

Для нас ты всегда была и останешься родной. Ни одно слово дальше этого не изменит.

Сначала мы решили поговорить, когда ты подрастёшь. Потом — когда закончишь школу. Потом — когда поступишь в университет. На самом деле мы просто боялись, что вдруг правда отнимет тебя у нас?

Очень давно мы жили в Калифорнии, и я работала в приюте. Мы с папой не могли иметь детей и когда привезли тебя, я полюбила тебя сразу.

Документы оформили слишком быстро и не совсем законно. Директор велел никому не рассказывать, забрать тебя и уехать из города. Нам следовало задать вопросы. Но мы так хотели стать твоими родителями, что послушались.

Несколько лет мы ничего не искали. Мы были счастливы, что ты была нашей.

Потом в бумагах обнаружили несостыковки. Мы запрашивали архивы, но записи исчезли.

Нам говорили, что биологические родители отказались от тебя. Однако подписанного отказа мы так и не нашли.

Тогда мы обратились к Дэниелу Харрису. Он много лет помогал нам искать ответы. Ему можно доверять.

Всё, что нам удалось собрать, записано на флешке. Дэниел должен был передать её тебе вместе с этим письмом.

След ведёт к человеку по имени Джонатан Эшфорд.

Сначала эта фамилия ничего нам не говорила. Чем больше мы узнавали, тем страшнее становилось.

В архиве клиники сохранилась запись, в ту ночь родилась девочка с такими же данными, как у тебя. Её записали мертворождённой.

Мать девочки звали Эвелин. Она умерла той же ночью.

Мне больно писать это, но ты должна знать, что Эвелин, вероятно, была твоей биологической матерью. И есть причины сомневаться, что её смерть была случайной.

Мы не дошли до конца. Каждый след обрывался так, словно кто-то заранее позаботился, чтобы его не нашли.

Я знаю тебя. Ты не сможешь оставить всё как есть. Поэтому прошу только об одном — будь осторожна.

Мы любим тебя больше жизни. Прости нас за молчание. Надеюсь, ты найдёшь правду и однажды сумеешь простить нас.

Мама».

Я опустила письмо на покрывало так осторожно, будто оно могло рассыпаться от резкого движения. Руки дрожали.

Голова закружилась. Комната вокруг стала чужой.

Восемнадцать лет я была Ребеккой Миллер, дочерью Мелани и Дэвида. Я искала в себе их черты, повторяла их шутки, переняла привычку хмуриться, когда думала.

Их любовь была правдой. Но кровь — нет. И они знали.

Я вставила флешку в ноутбук.

На ней было много папок. «Документы», «Клиника», «Эшфорд», «Контакты», «Харрис», «Сводка». Я нажала «Сводку».

В «Сводке» лежал сухой, обрывистый текст — папин: даты, имена, стрелки. И снова, на каждой странице, Джонатан Эшфорд.

Я открыла браузер.

Сначала появились фотографии. Мужчина в безупречном костюме, тёмные волосы с проседью, сдержанная улыбка. Деловые саммиты, совет директоров, благотворительные вечера. Имя Эшфорда встречалось везде, где были власть и деньги.

Я смотрела на незнакомого мужчину из другого мира. Если мамины догадки верны, он восемнадцать лет считал меня мёртвой.

Я закрыла ноутбук. И ещё долго сидела в темноте.

* * *

Утром я позвонила Харрису. Голос у меня сел за ночь, но я заставила его звучать ровно.

— Я прочитала письмо.

Несколько секунд он молчал.

— Ребекка... мне жаль, что вы узнали об этом так.

— Это правда?

— Да.

— Вы знали.

— Знал.

Я слышала в трубке его дыхание.

— Похороны послезавтра, — сказал он тише. — Я пришлю адрес. Если хотите, я заеду за вами.

— Я доеду сама.

— Хорошо. Но если передумаете...

— Я не передумую, мистер Харрис.

Я положила трубку и заплакала.

* * *

В день похорон с утра моросил холодный дождь.

Я долго стояла перед зеркалом. Чёрное пальто, подаренное мамой на Рождество, прежде никогда не казалось таким траурным.

Из зеркала на меня смотрела чужая девушка.

Тёмно-каштановые волосы безжизненно лежали на плечах. Кожа побледнела, под серозелёными глазами залегли тени, потрескавшиеся губы сжались в тонкую линию.

Я всегда была невысокой и стройной, но в чёрном пальто казалась совсем маленькой.

Я попробовала собрать волосы в низкий хвост, но резинка соскользнула, и я в итоге оставила их распущенными. Мама всегда говорила, что мне идут распущенные волосы.

Кладбище было за городом. Я ехала туда в такси и смотрела в окно на голые ветки, на лужи, на чьи-то ботинки, идущие по тротуару, и пыталась не думать о том, что сейчас увижу.

Харрис ждал у входа. Он был в тёмном пальто и без зонта, хотя дождь моросил. Увидев меня, он сделал шаг навстречу.

— Мисс Миллер, пойдёмте, — сказал он. — Все уже там.

Людей было больше, чем я думала. Соседи. Папины коллеги, которых я смутно помнила по корпоративам. Мамины подруги по книжному клубу. Две женщины из родительского комитета, чьи имена я никогда не запоминала. Учитель из старшей школы, который вёл у меня биологию в десятом классе и почему-то приехал. Знакомые лица из булочной, из аптеки, с парковки у супермаркета.

Я не плакала, пока шла к гробам. Под ногами хрустел мокрый гравий, ветер шевелил хвою на венках. Одинаковые гробы были сделаны из тёмного полированного дерева. Вокруг теснились белые букеты. Папа терпеть не мог срезанные цветы и всегда говорил: «Лучше подарите живые, в горшке».

Я подошла к маминому гробу первой и положила ладонь на крышку. Дерево было холодным от дождя.

— Прости, — прошептала я. — Я не злюсь. Я просто не знаю, что с этим делать.

Священник говорил что-то о вере, о покое, о том, что любовь сильнее. Я слушала и не слышала. Слова падали мимо, как капли с веток. Я смотрела на серое небо и подумала: они сейчас где-то здесь? Или они исчезли навсегда?

Кто-то взял меня за руку. Это была Линда, мамина подруга. У неё были красные глаза и платок, скомканный в кулаке.

— Девочка моя, — сказала она. — Если тебе что-то нужно, ты звони. Слышишь?

Я кивала всем: тем, кто просил крепиться, и тем, кто повторял, какими чудесными людьми были мои родители. Я знала, как сильно они меня любили. Они молчали столько лет, чтобы я могла спокойно вырасти. От этой мысли горло сжималось так, что я боялась открыть рот.

Когда гробы стали опускать в землю, я отвернулась. Я не смогла смотреть. Я смотрела на свои ботинки, на маленькую лужу, в которой плавал жёлтый лист, на ровные ряды надгробий вдалеке, на всё, кроме земли, которую сейчас бросали лопатой.

Харрис стоял рядом и молчал. Это, наверное, было лучшее, что он мог сделать. Молчать и быть рядом.

С другой стороны от меня стояла Кира, моя школьная подруга. Она приехала одной из первых, в чёрном платье, с собранными в неаккуратный пучок рыжими волосами, и за всё время церемонии не сказала мне ни слова. Я была ей за это благодарна.

Когда всё закончилось, ко мне ещё долго подходили люди. Я говорила: «спасибо». К концу я перестала чувствовать своё лицо.

Харрис довёз меня до дома. В машине он молчал почти всю дорогу, только в самом конце сказал:

— Сегодня вам не нужно быть сильной. Просто переживите этот вечер.

Я кивнула. И вышла.

Дом встретил меня знакомой тишиной. Я повесила пальто рядом с папиной курткой и замерла. От неё всё ещё пахло его одеколоном — деревом и чем-то цитрусовым. В толпе я узнала бы этот запах с закрытыми глазами.

Я прошла в гостиную, села на диван и просидела так, наверное, час. Может, два. За окном темнело. В какой-то момент я поняла, что мне нужно решить, что я делаю дальше.

Я не могла здесь жить. Стены, ещё недавно родные, теперь давили на меня.

* * *

На следующее утро я позвонила Харрису.

— Я хочу продать дом, — сказала я без вступления.

Он вздохнул и спросил:

— Вы уверены?

— Да.

— Ребекка, я обязан спросить: вы понимаете, что это решение нельзя будет отменить?

— Понимаю.

— По закону вы вправе распорядиться домом. Но у вас впереди университет. Вы уже подали документы?

— В три места. Ещё в сентябре.

— Дом мог бы стать вашей опорой. Именно поэтому родители оставили его вам.

— Мистер Харрис, я не могу здесь жить. Всё напоминает о них.

В трубке было тихо несколько секунд.

— Хорошо. Я найду риелтора. Продажа займёт несколько недель, возможно месяцев. До тех пор вы можете оставаться в доме.

— Я не останусь, — сказала я. — Я уезжаю. Дом можно будет показывать без меня. Он помолчал.

— Ребекка. Вы что-то решили насчёт... другого вопроса?

— Я хочу узнать всю правду.

— Будьте осторожны.

— Я знаю. Спасибо.

Я положила трубку и поднялась туда, куда не заходила после аварии, — в спальню родителей.

* * *

Дверь открылась тихо. Кровать была заправлена, на тумбочке лежала мамина недочитанная книга, вся в закладках.

В комнате было светло и пахло бергамотом.

Я открыла мамин шкаф, и меня окутал аромат духов — ваниль и что-то цветочное. На секунду я снова увидела её на кухне: «Ешь, пока тёплое, Бек. И не выдумывай».

Я доставала вещи по одной. Свитера. Платья. Рубашки. Шарф, в котором она была на моём выпускном из средней школы. Жакет, в котором она ходила на собеседования. Кардиган, в котором она читала книги по вечерам.

На чердаке я нашла коробки и стала складывать их вещи. Я не могла оставить их. Мама всегда говорила: «Вещи должны жить, Бек. Хранить — это не любовь, это страх».

К вечеру всё было упаковано. Я позвонила в благотворительный фонд. Женщина ответила тёплым, отрешённым голосом.

— Мы можем приехать завтра, — сказала она. — Утром удобно?

— Да, — ответила я. — Утром удобно.

Я оставила себе три вещи.

Папину кожаную куртку, мамин наполовину пустой флакон духов и фотографию с пляжа — ту, где я в дурацкой соломенной шляпе, мама смеётся, а папа щурится на солнце.

Всё остальное я сложила.

Утром приехали двое грузчиков и женщина из фонда. Поначалу я смотрела, как они выносят коробки, потом села на ступеньки и слушала только хлопанье двери.

После их отъезда дом стал гулким. В мамином шкафу остались пустые плечики, они тихо звякнули, когда я закрыла дверцу.

Я постояла секунду, прижавшись лбом к деревянной створке.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За всё.

И вышла из их комнаты.

* * *

Кира пришла ко мне на следующий день.

Она стояла на пороге с пакетом еды, супом в контейнере и пирогом, который испекла её мама.

Кира Мэддокс была моей лучшей подругой с пятого класса. За одной партой мы быстро прошли путь от «дай ручку» до ночёвок после ссор с родителями. Невысокая, рыжая и веснушчатая, она умела слушать так, что рядом с ней не хотелось притворяться. Мы вместе готовились к экзаменам и собирались поступить в один университет, снять квартиру и начать взрослую жизнь вдвоём.

После больницы я ей так и не позвонила.

Накануне поздно вечером я всё-таки написала:

«Кир. Ты не спишь?»

«Не сплю. Что у тебя?»

«Мне нужно тебе кое-что показать. Не по телефону. Можешь приехать завтра?»

«Конечно. В девять буду у тебя».

— Бек... куда делись все вещи?

— Я их отдала. Я уезжаю.

— Куда? И что ты собираешься делать? — Лицо Киры выражало страх.

Я молча протянула ей письмо.

Кира прочитала письмо дважды.

— Бек, — сказала она тихо. — Бек.

— Я знаю.

— Что ты собираешься делать?

— Хочу поехать к Эшфорду и сначала увидеть его своими глазами. Просто прийти к нему я не могу. Посмотри, кто он.

Я протянула ей телефон с открытой статьёй.

В заголовке Джонатана Эшфорда называли одним из богатейших людей страны.

— Какого чёрта, Бек? Как такое вообще возможно?

— Не знаю. Но хочу понять, почему меня записали мертворождённой, и кто это сделал.

Если я приду к воротам и объявлю себя его дочерью, меня даже слушать не станут.

Кира несколько секунд смотрела на экран, потом на меня.

— У маминой сестры агентство домашнего персонала в Калифорнии. Она работает с богатыми семьями. Я не знаю, есть ли у неё выход на Эшфордов, но могу спросить.

— Она согласится помочь?

— Не обещаю. Но я поговорю с ней сегодня. Если есть хоть один шанс, мы его используем.

— Спасибо. Я не знаю, что бы без тебя делала.

— Для начала не делала бы это одна.

Я кивнула.

Кира обняла меня крепко, и я подумала, что если у меня и осталось что-то родное в этом мире, то это её плечо и резкий запах яблочного шампуня, которым она пользовалась с шестнадцати лет.

Кира позвонила тёте в тот же день. Вечером пришло сообщение:

«Она готова с тобой поговорить завтра по видео в одиннадцать утра».

* * *

Ровно в одиннадцать я открыла ноутбук.

Когда соединение установилось, я увидела женщину лет пятидесяти, в строгой блузке цвета слоновой кости, с короткими уложенными светлыми волосами. На ней были очки с тонкой оправой и помада нейтрального оттенка.

— Элейн Харпер, — представилась она. — Кира коротко рассказала о вашей ситуации. Вы ищете работу и хотите попасть именно в дом Эшфордов.

Я кивнула. У меня вспотели ладони.

— Я Ребекка Миллер. Мне восемнадцать. Две с половиной недели назад погибли мои родители. После похорон я нашла письмо и оказалось, что они меня удочерили, причём документы оформили незаконно.

Элейн не моргнула.

— Продолжайте.

— В письме есть имя мужчины, который, скорее всего, мой биологический отец. Джонатан Эшфорд.

Только тогда Элейн моргнула.

— Я хочу попасть в его дом и узнать правду, но, если я просто приду и постучу в ворота, меня не пустят дальше охраны.

Элейн долго молчала.

— Вы понимаете, что моё агентство — не благотворительный фонд?

— Понимаю.

— И что одна ошибка может разрушить репутацию, которую я строила годами?

— Понимаю.

— Если я проведу вас в такой дом, и вы устроите сцену, я потеряю не только этого клиента.

— Я не буду устраивать спектакль.

— А что вы будете делать?

— Работать, — сказала я. — Что бы вы мне ни поручили. И ждать момента.

Она смотрела на меня очень внимательно.

— Месяц назад их экономка искала младшую помощницу в восточное крыло. Временная должность, испытательный срок. Вакансия ещё открыта.

— Это их дом? — переспросила я тихо. — Главный?

— Главная резиденция в Бел-Эйр.

Я кивнула. Сердце заколотилось.

— Тогда всё будет по правилам: проверка, договор и два дня обучения. В доме вы работаете, соблюдаете протокол и не ставите под угрозу моё агентство. Согласны?

— Принимаю.

— Согласование займёт около десяти дней. Я пришлю инструкции. Забронируйте билет только после моего письма.

— Спасибо вам.

— До свидания, Ребекка.

Она отключилась.

* * *

Десять дней слились в один. Я подписала бумаги Харриса, дом выставили на продажу. Последние ночи я провела в маленьком отеле, больше не могла слушать мамины часы на кухне.

В Калифорнии я сразу поехала в офис Элейн. Два дня она учила меня протоколу, а в конце протянула адрес и пожелала удачи.

Я забрала вещи из отеля и вызвала такси. Пока машина ехала через город, страх спорил с нетерпением, и ни один не побеждал.

Дорога заняла больше часа. Сначала тянулась обычная городская трасса — щиты, мотели, заправки, бесконечные офисные коробки. Потом билборды исчезли, деревьев стало больше, а шоссе сузилось до тихой двухполосной дороги между каменными оградами.

Каменные ограды — вот что я запомнила первым. Длинные, ухоженные, непрерывные, словно кто-то однажды решил, что эта земля больше не для всех. Из-за них виднелись только верхушки деревьев.

— Богатые места, — сказал водитель, заметив, как я смотрю в окно. — Дома тут не покупаются, а наследуются.

— Понимаю.

Дорога ушла вверх, потом снова вниз. Деревья стали ещё выше. Я заметила, что мы давно не видели ни одной заправки, ни одного магазина, ни одной светящейся вывески. Только дорога, ограды и тишина за стеклом.

Наконец машина свернула на узкую асфальтовую полосу между двумя высокими каменными столбами. Никакой таблички. Никакого названия. Только номер, выгравированный в камне.

— Приехали, — сказал водитель. — Дальше не пустят. Без разрешения через ворота не проедешь.

Я заплатила, вышла и вытащила чемодан. Машина развернулась и уехала, звук мотора растворился в плотной тишине.

Я осталась одна.

Передо мной возвышались ворота.

Высокие, чёрные, кованые — без вензелей и украшений. В серые каменные столбы по обе стороны были встроены камеры, одна повернулась вслед за мной. Рядом с переговорным устройством блестела небольшая табличка.

ЭШФОРД.

Я посмотрела на фамилию, и у меня перехватило дыхание.

Я стояла перед домом человека, который не знал, что я существую.

Я сделала шаг ближе к решётке и впервые увидела за ней дорогу.

За воротами тянулась широкая аллея, мощённая серым камнем. Старые липы стояли по обе стороны ровными рядами и смыкались кронами над дорогой. В просвете между ними виднелся дом.

Он был огромным.

Центральная часть поднималась на три этажа, два боковых крыла — на два. Светло-серые каменные стены, тёмная шиферная крыша, высокие дымоходы и строгие ряды узких окон. В нескольких комнатах горел свет, чуть смягчая холодный фасад.

К главной двери вёл портик с четырьмя колоннами и широкими ступенями, стёртыми посередине. Тёмное дерево, потускневшая латунь — всё выглядело так, будто пережило несколько поколений.

Перед домом кругом шла подъездная дорога. В центре стоял сухой фонтан, вокруг — безупречно подстриженный газон.

Справа тянулась линия топиариев, слева серое небо отражалось в стекле оранжереи. В глубине виднелась крыша отдельного здания.

На площадке у входа стояли тёмно-зелёный Range Rover, чёрный Bentley и низкая спортивная машина с длинным капотом.

Я опустила руку с кнопки переговорного устройства, которой ещё не коснулась. Просто стояла и смотрела сквозь решётку ворот.

И мне впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Это был не просто дом. Это была крепость, выстроенная поколениями, чтобы внутрь не входил никто чужой.

Я подумала о маме. О том, как она писала это письмо где-то у нас на кухне, представляя, что я сейчас стою тут.

И я подумала о женщине, имя которой было записано на флешке. Эвелин. О той, что умерла, рожая меня в эту самую семью.

Я выдохнула.

Подняла руку.

И нажала кнопку.

Где-то в каменной коробке тихо зашумел сигнал. Потом — короткий щелчок, и приятный женский голос произнёс ровно:

— Резиденция Эшфорд. Слушаю вас.

Я наклонилась к переговорному устройству и заставила себя говорить спокойно.

— Здравствуйте, — сказала я. — Меня зовут Ребекка Миллер. Я от агентства Харпер. Меня ждут.

Короткая пауза — и сердце успело удариться о рёбра.

— Одну минуту, мисс Миллер. Открываю.

Раздался тихий, тяжёлый щелчок. Ворота дрогнули и медленно, торжественно, без единого скрипа поползли в стороны.

Я взяла ручку чемодана.

И сделала первый шаг внутрь.

Глава 3

Ворота закрылись за моей спиной с тем же тихим щелчком. Я не обернулась. Чемодан катился по аллее, и гравий хрустел под колёсами.

Аллея тянулась на несколько сотен метров. На полпути я остановилась: мне нужно было перевести дыхание.

«Не спеши, — сказала я себе. — Тебя там не ждут. Это ты пришла к ним».

Я глубоко вдохнула, проверила телефон и перевела его в беззвучный режим. Элейн особо предупредила: звонок на территории сочтут дурным тоном. Поправив лёгкую куртку, я пошла дальше.

Вблизи дом казался ещё больше. Фасад был сложен из серого камня десятков оттенков, каждое окно — почти в человеческий рост. Парадная дверь из тёмного дуба оказалась двойной, с тяжёлыми латунными ручками.

Я не успела дойти до ступеней, как одна из створок открылась изнутри.

На пороге стояла невысокая женщина лет пятидесяти. Серебристые волосы были собраны в безупречно гладкий пучок, на белой блузке лежала тонкая нитка жемчуга. Её неподвижная осанка выдавала человека, много лет работавшего там, где нельзя терять лицо.

— Мисс Миллер, — сказала она. — Я Маргарет Хэйворд, старшая экономка резиденции. Прощу.

Я поднялась по ступеням и вошла.

Внутри пахло старым деревом, свежими цветами и воском для полов. Над двусветным холлом висела хрустальная люстра. Слева темнел погашенный камин, справа изгибалась мраморная лестница с тёмными перилами. Картины на стенах усиливали ощущение, что я вошла не в дом, а в музей.

Маргарет молча подождала, пока я приду в себя.

— Сначала несколько правил, — сказала Маргарет.

Я кивнула.

— Отвечайте хозяевам коротко и только по работе. Когда они входят в комнату, остановитесь и ждите дальнейших указаний.

— Поняла.

— Телефон в рабочих зонах запрещён. Никаких фотографий и разговоров о семье — ни за пределами дома, ни с персоналом.

— Поняла.

— Если вас что-то напугает или вы не будете знать, как ответить, идите ко мне. Не пытайтесь разбираться сами. Я служу здесь двадцать три года. Это ясно?

— Да.

— Хорошо. — Она позволила себе короткую профессиональную улыбку. — Оставьте вещи, переоденетесь, и я представлю вас семье.

Слова «представлю вас семье» прозвучали в моей голове как удар.

Маргарет повела меня по дому, на ходу называя комнаты. Фарфоровые вазы, картины, книги в кожаных переплётах, серебряные рамки — взгляд цеплялся за вещи, которые здесь считались обычными, а мне казались музейными.

Меня поселили в восточном крыле. В маленькой безупречной комнате были узкая кровать, шкаф, стул и крошечная ванная. Окно выходило в сад. На кровати лежали форма и инструкция в пластиковом конверте.

— Переоденьтесь, — сказала Маргарет. — Без украшений и уберите волосы. У вас есть пятнадцать минут.

— Поняла.

Она вышла, и Я осталась одна.
Я села на край кровати. Сердце колотилось.
Я была здесь.
В доме Джонатана Эшфорда.

Платье оказалось безликим — именно таким, какое делает человека незаметным. Я собрала волосы в низкий хвост.

Из чемодана я достала письмо и распечатанные копии файлов. Сложила их и спрятала в карман платья.

* * *

Через пятнадцать минут Маргарет постучала.

— Готовы?

— Да.

— Идёмте. И ещё одно, мисс Миллер.

— Да?

— Хозяин не разговаривает с младшим персоналом. Не обращайтесь к нему первой — это серьёзное нарушение.

Я кивнула.

Я кивнула, уже зная, что нарушу это правило.

* * *

«Малой» гостиную называли лишь по сравнению с остальным домом. Она была размером с школьную столовую: высокие окна, мраморный камин и морской пейзаж над ним. Я уцепилась за спокойное серое море взглядом, откладывая момент, когда придётся посмотреть на людей.

В гостиной было трое.

Мужчина с фотографий сидел справа от камина. На низком столике перед ним лежали бумаги, тонкие очки и нетронутая чашка чая. Тёмные волосы серебрились у висков. Когда мы вошли, он не поднял глаз.

Это был он. Джонатан Эшфорд.

Я узнала его раньше, чем разглядела. Какая-то часть меня узнала его до того, как мозг сравнил его с фотографиями из интернета.

На светлом диване сидела блондинка в кремовой шёлковой блузке. Гладкая причёска, жемчуг, безупречные руки — ни одна деталь не позволяла угадать её возраст.

Она улыбнулась, едва Маргарет переступила порог, и у меня внутри что-то напряглось.

— Маргарет, — сказала она. Голос был мягкий, бархатный, отточенный. — Это наша новая помощница?

— Да, миссис Эшфорд. Мисс Миллер. Из агентства Харпер, временная позиция в восточном крыле.

— Чудесно. — Она оглядела меня с головы до ног, замечая каждую деталь. — Подойдите ближе, дорогая. Не стесняйтесь.

Я сделала два шага вперёд.

— Меня зовут Селена, это мой муж Джонатан и наша дочь Айви. Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— Восемнадцать. — Она улыбнулась шире, и от этой улыбки мне стало холоднее. — Как мило. И вы из...

— Маргарет тебе всё перешлёт, мама, — раздался голос с другого края дивана.

Я повернула голову.

В углу, поджав ноги, сидела девушка примерно моего возраста. Она почти растворялась в обивке. На ней был свободный графитовый лонгслив, и её собственные волосы тоже были тёмными, не как у матери. У неё было миловидное лицо и очень прямой взгляд.

— Айви, — мягко упрекнула Селена. — Я просто знакомлюсь с человеком, который будет работать в нашем доме.

— Ты не знакомишься. Ты допрашиваешь.

— Не драматизируй, дорогая.

Айви снова уткнулась в телефон, но я поймала ещё один быстрый, настороженный взгляд. Джонатан в кресле наконец поднял глаза.

Он коротко кивнул Маргарет, затем на мгновение посмотрел на меня. Глаза у него были спокойные, серо-зелёные.

Как у меня. У родителей были карие глаза, и в детстве я часто спрашивала, в кого мои. Меня бросило сначала в жар, потом в холод.

Он опустил глаза обратно в свои бумаги, не сказав ни слова.

— Я провожу мисс Миллер обратно, — сказала Маргарет. — Прошу прощения за беспокойство.

— Никакого беспокойства, — пропела Селена. — Добро пожаловать в наш дом, мисс Миллер.

Маргарет коротко наклонила голову и шагнула в сторону двери, ожидая, что я последую. И вот тут что-то во мне щёлкнуло.

Если я сейчас уйду, то могу неделями ходить по дому незаметной тенью, расставлять цветы и поправлять подушки, пока этот человек будет сидеть за соседней дверью и ничего не знать.

Я не сдвинулась с места.

— Простите. Прежде чем уйти, я должна кое-что сказать.

В комнате стало тихо.

Маргарет повернула ко мне голову очень медленно. На её лице промелькнула паника.

Селена приподняла одну бровь.

Айви опустила телефон.

Джонатан медленно поднял глаза снова. Теперь он смотрел прямо на меня.

— Мисс Миллер, — предупреждающе произнесла Маргарет. — Это не...

— Я знаю. — Я посмотрела только на Джонатана. — Простите, мистер Эшфорд. Я нарушаю все правила, но иначе не могу.

Джонатан не сказал ни слова. Он просто смотрел.

— Что вы хотите сказать? — спросил он наконец.

Голос оказался ниже, чем я ожидала.

Я достала письмо и распечатки, положила их на столик рядом с его очками и нетронутым чаем.

— Я действительно пришла от агентства. Но работа — не главная причина, по которой я здесь.

Селена медленно поставила чашку, которую держала в руке. Она ничего не сказала.

— Три недели назад погибли мои родители. После похорон я нашла письмо. Оказалось, они удочерили меня младенцем.

Я перевела дыхание. Никто в комнате не двигался.

— Восемнадцать лет назад в частной клинике родилась девочка. Её мать, Эвелин Эшфорд, умерла той же ночью, а ребёнка записали мертворождённым. Но девочка выжила. Её тайно передали в приют.

Я заставила себя поднять глаза.

— Эта девочка — я. А имя её отца, указанное в документах, — ваше.

Комната будто перестала дышать.

Джонатан не шевельнулся. Даже не моргнул.

Селена медленно повернула голову к мужу.

— Джонатан... дорогой, это какое-то... — начала Селена.
Он поднял ладонь. Не глядя на неё. Маленький, почти невидимый жест.
Селена замолчала на полуслове, будто он выключил звук.
Я никогда не видела, чтобы один человек останавливал другого одним движением.
Айви сидела неподвижно. Её лицо медленно теряло выражение, а взгляд не отрывался от меня.
Джонатан протянул руку к столику.
Взял конверт, достал письмо и начал читать.
Я не двигалась. В углу тикали напольные часы, и в тишине вдруг щёлкнул их механизм. Собственное дыхание казалось слишком громким.
Маргарет, стоявшая в полушаге за моей спиной, тоже не двигалась.
Джонатан читал долго.
Закончив письмо, он аккуратно вернул его в конверт. Затем просмотрел распечатки. На записи из клиники задержался дольше.
Затем поднял глаза.
Тогда я наконец увидела его потрясение.
Лицо осталось почти неподвижным, но взгляд изменился. Словно внутри человека, привыкшего всё контролировать, рухнула опорная стена.
Он смотрел на меня.
— Сколько вам лет? — спросил он.
Голос звучал ровно, но стал чуть ниже.
— Восемнадцать.
— В каком месяце вы родились?
— В июле. Двадцатого.
Селена едва слышно ахнула. Я не повернулась.
Джонатан на секунду закрыл глаза.
— Тогда мне сказали, что ребёнок не выжил, — произнёс он, будто не мне, а самому себе. — А моя жена умерла у меня на руках.
В горле у меня что-то сжалось.
— Я поверил. И верил восемнадцать лет.
Он наконец посмотрел на Селену.
— Селена, — сказал он. — Оставь нас.
— Джонатан, дорогой, давай мы все вместе...
— Селена. Оставь нас.
Голос у него не повысился и не дрогнул.
Она поднялась медленно и изящно, разгладила блузку и улыбнулась так, что по спине прошёл холодок.
— Какая необычная история. Уверена, мы во всём разберёмся.
И вышла, не оглядываясь.
Айви осталась.
Джонатан посмотрел на неё.
— Айви, — сказал он, — пожалуйста, ты тоже.
— Папа.
От слова «папа» внутри всё перевернулось. Я знала из документов: Айви не была его родной дочерью. Но для неё он был отцом. Почему-то это задело сильнее, чем я ожидала.
— Айви, — повторил он. — Я попрошу тебя ещё раз.
Айви прошла мимо, не взглянув на меня. Уже у двери сбилась с шага и на мгновение обернулась.
Маргарет тоже вышла.

Джонатан указал на кресло напротив.

— Мисс Миллер. Садитесь.

Я села.

И только теперь мне стало по-настоящему страшно.

* * *

Он молчал, пытаясь уложить услышанное в голове.

— Я задам вам несколько вопросов, — сказал он наконец. — Вы согласны?

— Согласна.

— Кто оформил ваше удочерение?

Я назвала имена, даты и штат.

— У вас сохранились оригиналы документов?

— Большая часть в банковской ячейке у моего адвоката. Здесь, со мной, копии.

— У вас есть адвокат?

— Да. Дэниел Харрис. Он был адвокатом моих приёмных родителей.

Что-то в лице Джонатана дрогнуло.

— Я знаю Дэниела Харриса.

— Кто ещё знает, что вы здесь сегодня?

— Адвокат, моя подруга и её тётя — хозяйка агентства Харпер. Больше никто.

— Журналисты?

— Нет.

— Социальные сети?

— Нет.

Он коротко кивнул.

— И последний вопрос. — Он помедлил. — Чего вы хотите?

— Правды. Если документы ошибаются, я уйду и больше не потревожу вашу семью.

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Тогда сделаем ДНК-тест. Сегодня. Я вызову врача.

— Я согласна.

— До результата вы останетесь здесь как гостя. Без прессы и без разговоров об этом с моей семьёй. Согласны?

— Согласна.

— Я ничего вам не обещаю, мисс Миллер.

— Понимаю.

— Хорошо.

Он позвал Маргарет. — Переселите мисс Миллер в гостевую комнату восточного крыла. И срочно вызовите врача для анализа.

— Будет сделано, мистер Эшфорд.

Он снова посмотрел на меня.

— Если вы говорите правду... я не знаю, как просить у вас прощения.

Он встал. Подошёл к камину. Постоял спиной ко мне.

— Маргарет, проводите мисс Миллер.

— Да, мистер Эшфорд.

* * *

Маргарет молча шла рядом. Только свернув в боковой коридор, она обратилась ко мне:

— Мисс Миллер.

— Да.

— Я в этом доме двадцать три года. — Под её обычной сдержанностью слышалось напряжение. — Но ничего подобного прежде не видела.

— Простите. — Я и сама не понимала, за что извиняюсь.

— Не извиняйтесь.

Она открыла дверь и пропустила меня вперёд.

Гостевая комната оказалась большой и светлой. Два высоких окна выходили в сад, и даже сквозь тонкие кремовые шторы внутрь проникало достаточно света. Посередине стояла широкая кровать с мягким изголовьем, застеленная белоснежным покрывалом. У одного из окон разместились два кресла и небольшой круглый столик, у другого — письменный стол из светлого дерева. Напротив кровати находились комод и высокий шкаф, пока пустой. На стенах висели спокойные пейзажи, а на низкой тумбе стояла ваза со свежими белыми цветами. За отдельной дверью виднелась просторная ванная, отделанная светлым мрамором.

После тесной комнаты в восточном крыле эта казалась почти гостиничным номером — красивым, дорогим и совершенно чужим.

— Ваши вещи скоро принесут сюда, — сказала Маргарет. — Вам самой никуда ходить не нужно.

Она указала на небольшой замок.

— Здесь можно запереться изнутри. Кнопка у кровати вызывает меня лично. Если станет плохо — звоните.

— Спасибо.

Она помедлила.

— И ещё. Что бы ни показал тест, будьте осторожны.

Она вышла. Дверь за ней закрылась.

Я подошла к окну.

За стеклом лежал безупречный сад: ровный газон, топиарии, сухой фонтан.

Теперь моя жизнь зависела от одной пробирки.

Я села на кровать и стала ждать.

Глава 4

Стук раздался, когда я наконец перестала смотреть на часы.

— Мисс Миллер. — За дверью стояла Маргарет. — Врач приехал. Мистер Эшфорд ждёт вас в малой гостиной.

— Сейчас спущусь.

Она не ушла. Когда я открыла дверь, Маргарет уже повернулась к лестнице, явно рассчитывая, что я последую за ней.

— Доктор Аллен много лет наблюдает семью, — сказала она по дороге. — Он возьмёт обе пробы и сам доставит их в лабораторию.

Её спокойствие звучало почти убедительно. Почти.

В гостиной у высокого окна сидел Джонатан. Напротив него, возле раскрытого кожаного саквояжа, устроился седой мужчина лет шестидесяти. Без белого халата он меньше походил на врача и больше — на адвоката, который приехал огласить завещание.

— Доктор Аллен. — Он поднялся мне навстречу. — Понимаю, день у вас непростой. Постараюсь не затягивать. Вы согласны на исследование?

— Да.

Я села на указанный стул. Доктор надел перчатки и вскрыл упаковку при мне.

— Откройте рот. Чуть шире... Вот так.

Палочка дважды коснулась внутренней стороны щеки. Вся процедура заняла меньше минуты. Доктор убрал пробу в пакет, наклеил штрих-код и подписал его.

— Теперь вы, мистер Эшфорд.

Джонатан пересел ближе. Я смотрела, как он послушно открывает рот, и думала, что восемнадцать лет неизвестности сейчас умещаются на кончике ватной палочки.

Доктор запечатал второй пакет, убрал оба в жёсткий контейнер и защёлкнул замок.

— Образцы поступят в работу в течение часа. К девяти утра результат будет у меня. Я позвоню лично.

— Спасибо, Аллен.

Врач кивнул нам обоим и вышел вместе с Маргарет.

Джонатан остался у окна. Несколько секунд мы слушали, как в саду включается полив.

— И что теперь? — спросила я.

— Теперь ждать.

— Я не умею.

Уголок его рта едва заметно дёрнулся.

— Значит, у нас уже есть что-то общее.

Он потёр ладонью лицо и снова посмотрел в сад.

— Я хотел бы поговорить с вами вечером. Если вы не передумаете.

— Не передумаю.

— Тогда Маргарет вас позовёт. А пока постарайтесь отдохнуть.

Я дошла до двери и обернулась. Он сидел неподвижно, сцепив руки между коленями. Таким я его ещё не видела: не хозяином дома, не человеком с фотографии из делового журнала, а мужчиной, которому только что предложили дожидаться девяти утра и узнать, была ли его жизнь построена на чужой лжи.

* * *

Маргарет ждала меня в коридоре.

— Я провожу вас наверх.

— Спасибо, но дорогу я запомнила.

— Дом умеет сбивать с толку, — сухо ответила она. — Особенно тех, кто ещё не знает, какие двери лучше не открывать.

Я посмотрела на неё, пытаюсь понять, предупреждает она меня или угрожает. Лицо Маргарет осталось бесстрастным.

Она довела меня до комнаты и дождалась, пока я войду.

Первые полминуты я стояла у закрытой двери. Потом села на край кровати. Потом снова встала.

До вечера было несколько часов. Провести их в комнате, прислушиваясь к каждому шагу в коридоре, я не могла.

Маргарет просила не заходить в хозяйское крыло. Про остальной дом она ничего не сказала.

Я вышла.

* * *

Восточное крыло оказалось почти нежилым: одинаковые гостевые двери, маленькая прачечная и закрытый чулан. В конце коридора стояла белая лилия в высокой фарфоровой вазе. Ни пылинки на подоконнике, ни увядшего края на лепестке. В этом доме даже цветы выглядели так, будто знали правила.

По боковой лестнице я спустилась на первый этаж. На стенах висели портреты Эшфордов — мужчины с тяжёлыми подбородками, женщины в строгих платьях, дети, которым велели не улыбаться.

Под одним из портретов блестела табличка: «Эдвард Эшфорд, 1888–1957».

Я задержалась перед ним. Возможно, он приходился мне прадедом. Возможно, никем.

До вчерашнего дня моя семья уместалась в двух словах — мама и папа. Теперь между мной и человеком, родившимся в девятнадцатом веке, могла существовать тонкая линия крови. От этой мысли теплее не стало.

Дверь библиотеки была приоткрыта. Я заглянула внутрь: стеллажи до потолка, зелёная лампа на письменном столе, два кресла у погасшего камина. На столе лежала раскрытая папка. Я закрыла дверь, не заходя.

В большой гостиной горели только настенные лампы, хотя комната была пуста. На диване забыли женский шёлковый платок цвета слоновой кости. У окна стояли свежие лилии, такие же безупречные, как наверху.

На каминной полке теснились серебряные рамки.

Селена с маленькой Айви на руках. Мейсон в смокинге рядом с матерью. Айви с белой собакой. Семейный снимок: Селена и дети впереди, Джонатан чуть в стороне, будто присоединился к ним за секунду до вспышки.

Я просмотрела фотографии ещё раз.

Эвелин не было.

На столике у окна стояли другие рамки, но там её тоже не оказалось. Ни свадебной фотографии, ни случайного снимка, ни лица, оставленного хотя бы в дальнем углу комнаты.

Я вышла из гостиной и на первом же повороте заблудилась.

Коридор становился уже и темнее. Я поняла, что подошла к хозяйскому крылу, и уже собралась вернуться, когда из-за двери в конце донёсся голос Селены.

— ...эту Миллер.

Я остановилась.

— Селена, я тебя услышал, — ответил Джонатан. — Но решения не изменю.

— Ты оставил в доме незнакомую девочку, вызвал врача и потребовал, чтобы Мейсон немедленно вернулся. Мне правда нужно объяснять, почему я не в восторге?

— До утра она останется здесь.

— А утром? Если бумажка скажет то, что ты хочешь услышать?

— Я не знаю, что хочу услышать.

Селена коротко рассмеялась. В этом смехе не было ничего весёлого.

— Не лги хотя бы мне. Восемнадцать лет я смотрела, как ты оплакиваешь Эвелин. И вот на пороге появляется девочка с её глазами. Конечно, ты хочешь ей поверить.

— У неё есть документы.

— Документы подделывают.

— Поэтому мы сделали тест.

— А если он положительный? — Голос Селены стал выше. — Ты ждёшь, что я обниму её и скажу: «Добро пожаловать домой»?

За дверью повисла тишина.

— Я жду, что ты не станешь наказывать ребёнка за то, что с нами сделали взрослые.

— Ребёнка? Ей восемнадцать. Она пришла сюда сама и прекрасно знает, зачем.

— Хватит.

Джонатан впервые повысил голос. Я невольно отступила.

— Если Ребекка моя дочь, Селена, она останется. Нравится тебе это или нет.

Больше я не услышала. Развернулась и пошла обратно, стараясь ступать мягко.

Я и не ждала, что Селена мне поверит. Но теперь дело было не в сомнениях. Она уже выбрала меня врагом.

* * *

Я остановилась у окна, прижалась лбом к холодному стеклу и несколько минут смотрела на сухой фонтан в саду.

Потом слышала смех.

Молодой, мужской, совершенно не подходящий этому дому.

Он доносился из застеклённой веранды. Там пахло кофе и нагретыми солнцем растениями. За низким столом сидела Айви — в широких домашних брюках, огромной футболке и с небрежно собранными волосами. Рядом с ней размахивал ложкой темноволосый парень с фотографии.

Увидев меня, они замолчали одновременно.

— О, — сказал он. — Так вот из-за кого меня выдернули из Йеля.

— Мейсон прекрати!

— Я стараюсь разрядить обстановку.

— Ты её только что зарядил обратно.

Я осталась в дверях.

Мейсон отложил ложку.

— Прости. Я Мейсон. Это Айви, но с ней ты уже успела пережить светскую беседу.

— Незабываемую, — сказала Айви.

— Ребекка.

— Мы знаем. Садись, Ребекка. Если продолжишь стоять, я почувствую себя обязанным быть гостеприимным, а у меня совсем нет опыта.

Я села в ближайшее кресло.

— Какой кофе? — спросила Айви, уже направляясь к кофемашине. — Чёрный или с молоком?

— Чёрный.

— Слава богу.

— Она так проверяет людей, — пояснил Мейсон. — Я провалил тест лет в шесть.

— Ты пил какао.

— И не стыжусь прошлого.

Я улыбнулась раньше, чем успела себя остановить.

Айви поставила передо мной чашку. Кофе был крепким и чуть солёным.

— Ты добавила соль?

— Щепотку. Убирает горечь.

— По-моему, она осталась.

Айви посмотрела на меня поверх чашки.

— Наконец-то честный человек.

Мейсон перестал улыбаться.

— Можно спросить, что вообще происходит?

— Мейсон...

— Нет, Айв. Я приехал, потому что папа сказал: «Нужно быть дома». Мама ходит по дому так, будто собирается кого-то уволить. Папа заперся в кабинете. Я хочу услышать её версию.

Он говорил спокойно, без прежней шутливости.

Я обхватила чашку ладонями.

— После смерти родителей, я узнала, что приемная. Восемнадцать лет назад в клинике меня записали как мертворождённую и отдали в приют. Там скрытно меня удочерили мои родители. Они тайно от меня проводили расследование и вышли на Джонатана и Эвелин.

Айви медленно опустила чашку на блюдце.

— Эвелин умерла в ту ночь? — спросила она.

— Да.

Мейсон провёл ладонью по волосам.

— Чёрт.

Никто не пытался сразу заполнить паузу. За стеклом качнулась ветка, и по полу поползла тень.

Айви подтянула ноги в кресло.

— Давай хотя бы узнаем тебя. Откуда ты?

— Из пригорода Миннеаполиса.

— Что любишь?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

— Книги. Английскую литературу, историю. Раньше плавала, но бросила. Тренировки занимали все вечера, а я хотела ужинать с мамой.

Последнее слово застряло в горле, но я всё-таки произнесла его.

Айви просто кивнула. Без сочувственного наклона головы, без дежурного «мне жаль». За это я была ей благодарна.

— А родители? — спросил Мейсон.

— Папа был программистом. Мама работала логопедом в школе. У нас была обычная жизнь. — Я обвела взглядом веранду. — Совсем не так.

— У нас тоже не сразу стало «так», — сказал он. — Я помню квартиру до этого дома. На мой пятый день рождения мама купила торт, но нашла только одну свечку. Поставила её в центр и сказала, что остальные четыре невидимые.

— Ты каждый год рассказываешь про эту свечку, — заметила Айви.

— Потому что это хорошая свечка.

— Я квартиру почти не помню, — сказала она. — Только маму, Мейсона и потом папу.

Слово «папа» прозвучало у неё легко. Мне пришлось напомнить себе, что Джонатан не был их биологическим отцом. В этом доме кровь внезапно стала главным доказательством, а для Айви и Мейсона она ничего не решала.

— Ты подавала документы в университет? — спросил Мейсон.

— В три. Миннесотский университет, колледж Макалестер и колледж Карлтон. Хотела остаться рядом с родителями.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— А оказалась на другом конце страны.

— Да.

— Я тоже заканчиваю школу, — сказала Айви. — Crestbridge Academy, десять минут отсюда. Если ты останешься, папа наверняка отправит тебя туда.

— Не пугай человека раньше времени, — вмешался Мейсон. — Я закончил Crestbridge два года назад и почти восстановился.

— Не слушай его. Мейсон у нас умный, хотя из всех сил старается это скрывать. Он учится в Йеле, изучает экономику и международные отношения.

— Спасибо, Айви. Я сам умею представляться.

— Но делаешь это скучно.

Я перевела взгляд на неё.

— А ты куда собираешься поступать?

— В Стэнфорд, если возьмут. Хочу изучать психологию, а потом заняться клинической.

— Она уже тренируется на семье, — заметил Мейсон. — Ставит нам диагнозы за завтраком.

— И пока ни разу не ошиблась.

Я тихо рассмеялась. Мейсон улыбнулся, но почти сразу посерьёзnel.

— Ребекка, я скажу одну неприятную вещь. Лучше сейчас.

Айви бросила на него быстрый взгляд, однако не остановила.

— Джонатан для нас отец, — продолжил он. — Он выбрал нас, когда мог пройти мимо. И мы выбрали его.

— Папа очень долго приходил в себя после смерти Эвелин, — добавила Айви. — Мы не знаем всего, но знаем достаточно.

— Если ты его дочь, — сказал Мейсон, — я буду рад. Правда. Даже готов изображать старшего брата.

— Советы у него действительно плохие.

— Но, если ты лжёшь, чтобы добраться до денег или фамилии, мы это выясним.

Улыбка исчезла с его лица. Я вдруг увидела не весёлого студента, а человека, который сорвался через полстраны после одного звонка.

— Я понимаю.

— Всё? — спросила Айви. — Не будешь убеждать нас, что ты не такая?

— Завтра будет результат. Какая разница, что я скажу сегодня?

Она несколько секунд разглядывала меня, потом кивнула.

— Разумно.

Напряжение немного ослабло.

Я допила кофе, поблагодарила их и поднялась.

— Увидимся завтра, — сказала Айви.

Я кивнула, попрощалась с ними и вышла с веранды.

* * *

Вернувшись в комнату, я увидела на телефоне два сообщения от Киры.

«Бек. Тут странная вещь. Не знаю, как сказать».

Следом пришёл скриншот.

На нём был пост из закрытого школьного аккаунта со слухами:

«У Эшфордов появилась новая девочка. Прислуга или семья? Если знаете — пишите в директ. Анонимность гарантируем».

Под записью уже набралось сорок шесть комментариев.

«Это аккаунт какой-то школы на Западном побережье, — написала Кира. — Подруга дала ссылку, когда узнала, куда ты уехала. Бек, ты уже была в школе? Кто вообще знает, что ты в доме?»

Я перечитала пост.

За ворота я не выходила. Кроме семьи, меня видели Маргарет, водитель и доктор Аллен. Кто-то из них успел превратить чужую жизнь в школьную сплетню.

«В школе не была. Значит, слух пошёл из дома».

Кира ответила почти сразу:

«Тогда будь осторожна. Не открывай письма и ссылки от незнакомых».

«Хорошо».

«Бек?»

«Что?»

«По сообщениям ты звучишь сильнее, чем неделю назад. Не знаю, радоваться или бояться».

Я положила телефон экраном вниз.

Сильнее я себя не чувствовала. Просто здесь никто не оставлял мне времени развалиться.

* * *

Ближе к вечеру снова постучала Маргарет.

— Мистер Эшфорд просит вас спуститься в библиотеку. Если у вас есть силы.

— Есть.

Я переоделась в серую футболку и джинсы.

Джонатан сидел у камина. На нём по-прежнему был тёмно-синий джемпер, но за день он будто стал ему велик. Под глазами залегли тени.

— Спасибо, Маргарет. Оставьте нас, пожалуйста.

Дверь закрылась.

— Садись.

Я устроилась в кресле напротив.

— Прежде чем начнём... — Он помедлил. — Можно я буду говорить тебе «ты»? Называть возможную дочь «мисс Миллер» оказалось сложнее, чем я думал.

— Можно.

Он кивнул, будто получил не разрешение на обращение, а что-то гораздо большее.

— Спасибо.

На столике стоял графин с янтарной жидкостью и два стакана.

— Я не пил, — сказал Джонатан, заметив мой взгляд. — Хотя весь день собирался.

— Почему не выпил?

— Боюсь, если начну, к девяти утра не остановлюсь.

Он произнёс это без улыбки.

— Я не очень понимаю, как с тобой разговаривать, — продолжил он. — Айви я люблю как дочь, но она появилась в моей жизни уже маленьким человеком со своим характером. А мысль, что моего ребёнка нет, живёт со мной восемнадцать лет. Я к ней привык. Теперь не знаю, как от неё отказаться.

Я молчала. Любой ответ прозвучал бы либо слишком холодно, либо слишком близко.

— Я хотел рассказать тебе об Эвелин. Если ты готова.

— Готова.

Он не сразу начал.

— Мы познакомились на приёме. Меня туда привели знакомить с полезными людьми, её — двоюродный брат, чтобы она не сидела дома с книгами. Через двадцать минут Эвелин сбегала на балкон. Я вышел покурить, а она, даже не оборачиваясь, сказала: «Если вас прислали те же люди, что и меня, можем не разговаривать».

Джонатан тихо рассмеялся. Смех быстро оборвался, но лицо у него изменилось.

— И вы не разговаривали?

— До закрытия приёма. Она говорила почти всё время.

Эвелин была на год старше. Изучала лингвистику, преподавала, переводила редкие тексты. Они поженились через два года. Сначала жили в Нью-Йорке, потом купили этот дом.

— Она любила старые стены, — сказал Джонатан.

Когда Эвелин забеременела, ей было тридцать. Беременность шла спокойно. Пол ребёнка они не узнавали.

— Она хотела удивиться. Повторяла: «Не так уж часто жизнь сообщает что-то хорошее без предупреждения».

На тридцать восьмой неделе Эвелин легла в частную клинику на наблюдение. Её рекомендовали знакомые. Врачи казались надёжными. Джонатан привёз вещи на несколько дней и обещал забрать жену вместе с ребёнком.

Он замолчал, глядя в огонь.

— Я был в коридоре, когда всё началось. Сначала кто-то крикнул, потом врач попросил дать ему минут, но минут через 20 позвали реаниматолога. Я слышал всё, но меня не пускали внутрь.

Джонатан сцепил пальцы так сильно, что побелели костяшки.

— Потом вышла медсестра. Совсем молодая. У неё дрожали руки. Она сложила их перед собой и сказала: «Мне очень жаль, мистер Эшфорд. Мы не смогли спасти вашу жену. Девочку тоже».

Мне пришлось отвернуться к камину.

— Я ничего не спросил, — продолжил он. — Ни одного вопроса. Подписал бумаги, которые положили передо мной, и ушёл. Потом годами вспоминал ту медсестру и её руки, но ни разу не вернулся в клинику. Был уверен, что возвращаться не к чему.

Он поднял глаза на меня.

— Если тест окажется положительным, значит, меня обманули. Я узнаю, кто и зачем. Что бы для этого ни потребовалось.

В его голосе не было угрозы. Только решение, принятое задолго до того, как он закончил фразу.

Джонатан подошёл к письменному столу, открыл нижний ящик и достал тонкую кожаную папку.

— Эвелин не любила фотографироваться. Почти все снимки я делал, когда она не замечала.

Он протянул мне фотографию.

Женщина сидела в саду с книгой. Простое светлое платье, тёмные волосы собраны в свободный узел, на щеке пятно солнца. Голова чуть наклонена.

Сначала я искала сходство в глазах и линии подбородка. Потом поняла, что узнаю не лицо, а движение. Я так же склоняла голову над книгой. Мама часто говорила, что однажды я заработаю кривую шею.

— Можно мне оставить её?

— Это копия. Я сделал её утром.

Я подняла на него глаза.

— Ты знал, что я попрошу?

— Надеялся.

На секунду его лицо стало мягче. Не счастливее — до счастья нам обоим было далеко, — но живее.

— Спасибо.

Он вернулся в кресло.

— Есть ещё кое-что. О Селене.

Я невольно напряглась.

— Я не прошу тебя ей доверять, — сказал Джонатан. — И не оправдываю то, как она себя ведёт. Но хочу, чтобы ты понимала, почему я не могу за один день увидеть в ней то, что, возможно, видишь ты.

Он рассказал, что Селена пришла в компанию его ассистенткой за полгода до смерти Эвелин. После клиники Джонатан почти три года существовал по инерции: приезжал в офис, подписывал документы, иногда присутствовал на встречах, ничего не запоминая. Компания держалась на нескольких людях. Селена была одной из них.

— Она вела моё расписание, отвечала на звонки, выгоняла людей, которые приходили выражать соболезнования в четвёртый раз. Я ни разу не слышал, чтобы она жаловалась.

У Селены уже были Мейсон и Айви. Их отец исчез, когда Айви не исполнилось и года. Денег не присылал.

— Она не стала судиться. Сказала: «Это будет долго, а у меня нет времени».

Через два года умер её отец. Селена пришла на работу на следующий день. Джонатан узнал о смерти случайно: вошёл в кабинет и увидел, как она плачет над печатной машинкой, продолжая печатать.

— Я подумал, что человек не должен плакать так тихо, чтобы никто не заметил. Отвёз её домой. Познакомился с детьми. Остался на ужин, потому что впервые за несколько лет не хотел возвращаться в пустой дом.

Дальше всё происходило медленно. Они поженились через четыре года. Мейсон и Айви сами начали называть его папой.

— Селена вернула мне дом, — сказал Джонатан. — И дала семью, когда я был уверен, что больше её не будет. Я не забуду этого, даже если завтра вся моя жизнь изменится.

Он замолчал.

А я думала о другом.

Селена работала у Джонатана до смерти Эвелин. Знала его расписание. Знала о беременности и клинике. Возможно, знала людей, дежуривших в ту ночь.

Пока это были только подозрения. Произнести их вслух перед человеком, который прожил с ней четырнадцать лет, я не могла.

— Спасибо, что рассказали, — сказала я.

— Рассказал, — мягко поправил он. — Мы договорились на «ты».

— Прости. Мне тоже нужно привыкнуть.

— Нам обоим.

Он посмотрел на часы.

— Маргарет разбудит тебя к девяти. Если сумеешь уснуть.

— Не думаю.

— Я тоже.

Джонатан проводил меня до двери. Когда я вышла в коридор, он вдруг коснулся моего локтя. Осторожно, будто не был уверен, что имеет право меня остановить.

— Ребекка.

Я обернулась.

— Я слышал всё, что ты сказала вчера. Не хочу, чтобы ты провела ночь, думая, будто я надеюсь на отрицательный результат.

— А ты надеешься на положительный?

Он долго смотрел на меня.

— Я надеюсь... Восемнадцать лет — слишком долгий срок.

Он убрал руку.

* * *

В комнате я поставила фотографию Эвелин на тумбочку и повернула лампу так, чтобы свет падал на её лицо.

Теперь в доме была хотя бы одна её фотография.

Я легла, даже не переодевшись. Телефон завибрировал в кармане.

«Спокойной ночи. Держись», — написала Кира.

Я не ответила.

За дверью то и дело слышались шаги. Кто-то из персонала проверял комнаты. Или Джонатан не мог уснуть. Или Селена ходила по дому, заранее готовясь воевать с утренним результатом.

До девяти оставалось одиннадцать часов.

На тумбочке лежала фотография женщины, которая могла быть моей матерью. Внизу ждал человек, который мог оказаться моим отцом. Где-то в доме двое незнакомых детей уже решали, позволят ли мне стать их сестрой.

Всё зависело от бумаги.

Я закрыла глаза и впервые испугалась не того, что тест окажется отрицательным.

Я испугалась, что он подтвердит правду — и тогда уйти отсюда будет гораздо труднее, чем прийти.

Глава 5

Я проснулась сама, без будильника. За окном только начинало светать. Утро в Бел-Эйр выдалось прохладным и пасмурным: над садом висела лёгкая дымка, а солнце ещё не пробилось сквозь облака. Непривычная погода для Калифорнии.

Я не пошевелилась.

Фотография Эвелин стояла на тумбочке в том же положении, в каком я её оставила. Маленькая настольная лампа горела всю ночь — я забыла её выключить. Свет от лампы падал на лицо женщины в кресле так же ровно, как падал свет из окна, и мне показалось, что Эвелин читает в своём саду, и сейчас она поднимет голову, увидит меня и удивится.

Я лежала неподвижно. Если я сейчас встану, начнётся «утро». А «утро» — это шаги к девяти. Это разговор, после которого моя жизнь — какой бы она ни была — кончается и начинается заново. Я не была готова.

Я думала о маме. О Мелани. Сейчас она сидела бы на краю моей кровати, убрала волосы с моего лица и сказала своё любимое: «Бек, сначала выдохни. Тебе не обязательно разбираться со всем сразу». Я думала о папе. О Дэвиде. Он бы молчал, потому что умел молчать как никто другой, и в этом молчании было больше «я с тобой», чем в любых словах. Я думала о Кире — наверное, она сейчас тоже не спала и лежала с телефоном в руках. И о Харрисе, который, возможно, уже сидел за своим столом: он был из тех людей, которые приходят на работу к семи утра.

И я думала о женщине на фотографии.

«Через два часа я узнаю, твоя я или нет», — сказала я ей мысленно.

Эвелин ничего не ответила. Она просто читала.

Я лежала так долго. Может, час, может, полтора. В коридоре проходили чьи-то шаги — два раза. Один раз остановились у моей двери, постояли секунду и пошли дальше. Маргарет, наверное. Проверяла. Не стучала. Хорошо.

В девять с чем-то стук всё-таки раздался.

— Мисс Миллер. — Голос Маргарет был тише обычного. — Доброе утро! Вы спите?

— Нет.

— Мистер Эшфорд вызывает вас к себе в кабинет. Доктор Аллен прислал результат.

Я закрыла глаза. На одну секунду.

— Да. Я сейчас встану и подойду.

— Я подожду в коридоре.

— Не надо. Я найду.

— Я подожду, — повторила она. — Сегодня — я подожду.

Я не стала спорить.

Я встала. Я не помню, как переодевалась. Я натянула вчерашнюю футболку и джинсы. Я не могла думать ни о выборе одежды, ни о причёске, ни о том, что в зеркале меня встречает девочка с воспалёнными глазами. Я провела щёткой по волосам и стянула их в низкий хвост.

Я открыла дверь.

Маргарет стояла в коридоре. На ней была её утренняя форма — чёрная юбка, белая блузка, тонкая нитка жемчуга. Но в её лице было что-то непривычное. Что-то очень короткое, аккуратно спрятанное за обычной выдержкой.

Она не улыбнулась.

Она кивнула.

И мы пошли вниз.

* * *

Кабинет Джонатана был на первом этаже, в дальнем конце дома, в том самом коридоре, у которого вчера я случайно подслушала ссору. Дверь была приоткрыта. Маргарет постучала по косяку.

— Мистер Эшфорд. Мисс Миллер.

— Спасибо. Войдите, пожалуйста, обе.

Я переступила порог.

Кабинет был большой и аскетичный. В отличие от библиотеки, здесь почти не было украшений. Большой письменный стол из тёмного дерева, два кресла перед ним, кожаный диван у стены, портрет какого-то мужчины над камином — наверное, ещё один Эшфорд. Окна выходили в сад. Утро в саду было пасмурным.

Джонатан стоял у окна. На нём была белая рубашка с расстёгнутым воротом. В руке у него был тонкий конверт, запечатанный голограммой лаборатории.

Конверт был закрыт.

Он не вскрыл его без меня.

— Доброе утро, Ребекка! Я хотел, чтобы мы это увидели вместе, — сказал он, не оборачиваясь. — Я мог бы открыть час назад, когда мне его прислали. Но я не стал.

Я кивнула. Но не была уверена, что он видит мой кивок. Он смотрел в сад.

— Маргарет, — сказал он, — мне будет нужно, чтобы вы были здесь. Свидетель. На случай, если позже понадобится.

— Конечно, мистер Эшфорд.

Маргарет встала чуть в стороне, у стены, как стояла она в первый вечер моего приезда.

Джонатан повернулся. Прошёл к столу. Положил конверт. Сел в кресло. Кивнул мне. Я тоже села.

Конверт лежал между нами.

Он не торопился. Я не торопила.

В какой-то момент он взял со стола маленький канцелярский нож, аккуратно вскрыл верхний край конверта и достал тонкий лист бумаги. Не больше двух абзацев текста, печатный, с заголовком клиники и логотипом.

Он читал секунды три. Не больше.

И ещё две секунды смотрел на лист так, будто это была не бумага, а зеркало.

Потом — медленно — он положил лист на стол лицом вверх и подвинул его ко мне.

Я не смогла сразу прочитать. Буквы расплылись. Я моргнула. Сфокусировалась.

«Вероятность отцовства: 99,9999 %».

Я подняла глаза.

У Джонатана полились слезы из глаз.

Я не знала, что мне делать.

Маргарет у стены коротко закрыла глаза. Когда открыла — её собственные были на грани, но удержались.

Я не двигалась.

Наконец Джонатан вытер лицо тыльной стороной руки — неловким жестом, — и сказал тихо:

— Прости меня.

Это были первые слова после того, как мы прочитали.

— За что?

— За то, что поверил одному чужому слову и восемнадцать лет ни разу его не проверил.

— Голос у него сорвался. — Тебя отдали, а я жил дальше. Не искал. Даже не попытался.

— Вы... ты... не мог сомневаться, — сказала я тихо. — Тебе соврали в лицо. Это не одно и то же, что не искать.

— Это в одном предложении не помещается, — ответил он. — Я не сомневался, и я не искал. Если бы я хоть один раз задал хоть один вопрос — может быть, тебе бы не пришлось вырасти в чужой семье и думать о нас как о людях, которые тебя бросили.

— Они меня любили. По-настоящему. Я выросла, не чувствуя, что мне чего-то недодали. Пожалуйста, не называй те годы потерянными.

— Я знаю. — Он кивнул, и слеза опять прошла по щеке. — Я не пытаюсь забрать их у тебя. Я просто... я очень опоздал.

— Не очень.

— Очень. — Он улыбнулся первый раз за всё утро — кривой, тонкой, измученной улыбкой. — Но я постараюсь сделать так, чтобы это «очень» стало хотя бы поменьше.

Он встал из-за стола. Я думала, он подойдёт ко мне, но он не подошёл. Он подошёл к окну. Постоял там секунду, спиной ко мне. Потом повернулся.

— Ребекка.

— Да.

— Посмотри на меня, Ребекка. Ты больше не одна. Не сегодня, не через год и не через двадцать лет. У тебя есть отец. Не самый удобный, плохо обученный объятиям, но я не уйду. Поняла?

— Поняла.

— И я не стану отнимать у Дэвида слово «папа». Он его заслужил, а я пока нет. Зови меня Джонатаном. Если однажды захочется иначе — я услышу. Если нет, пойму.

— Хорошо.

Он едва кивнул.

И вдруг, неожиданно для себя самого, шагнул ко мне и обнял.

Это было неловкое объятие. Одной рукой за плечо, второй неуверенно за затылок, как будто он не помнил, куда в обнимании девать руки. Он не давил. Он не задерживал. Это длилось три секунды. Я не успела поднять руки в ответ. Но я почувствовала запах его рубашки — лёгкий, чистый, с одной нотой одеколона, который пах как старые книги в дорогом переплёте. И я поняла, что этот запах я буду помнить теперь всю жизнь.

Он отпустил меня. Отступил.

— Маргарет, — сказал он, не глядя на неё. — Семья сейчас за завтраком?

— Да, мистер Эшфорд. Все спустились.

— Спасибо.

Он повернулся ко мне.

— Идём?

Я кивнула.

Маргарет открыла перед нами дверь.

* * *

Малая столовая была полна.

Селена сидела на своём месте у окна — в светлой шёлковой блузке с идеальным пучком на голове. Перед ней — нетронутая чашка чая. Айви сидела напротив, в той же огромной футболке, что я видела на веранде. Мейсон сидел рядом с ней и резал круассан.

Все трое подняли глаза одновременно.

Джонатан вошёл первым. Я плелась сзади. Маргарет остановилась у двери.

— Доброе утро, — сказал он.

Никто не ответил «доброе утро». Все ждали.

Он не сел.

— Результат пришёл, — сказал он, обращаясь ко всем сразу, спокойным, ровным, собранным голосом. — Подтверждено. Ребекка — моя дочь.

Тишина.

Айви первая опустила взгляд и сделала движение, которое выглядело как «выдохнуть». Мейсон положил нож на тарелку. Селена не пошевелилась.

— И чтобы не было путаницы, с сегодняшнего дня она член этой семьи. Привыкать мы можем сколько угодно, спорить с фактом — нет.

Он сделал паузу.

— Я понимаю, что моя просьба к каждому из вас разная по сложности. И я её понимаю. Но это моя просьба.

Айви первая встала со стула, прошла ко мне через всю столовую и коротко, крепко, обняла. Без слов. Я почувствовала, как у неё за плечом что-то быстро дрогнуло — может, тоже слёзы, может, нет. Она отпустила меня и сказала:

— Доброе утро, сестра.

— Доброе утро.

Мейсон встал следом. Подошёл. Не стал обнимать и положил руку мне на плечо.

— Добро пожаловать в наш сумасшедший дом.

Селена встала последней.

Разгладила светлую блузку. Подошла. Остановилась передо мной. Посмотрела мне в глаза — две секунды, ни больше, ни меньше.

— Добро пожаловать в семью, Ребекка, — сказала она.

Голос был мягкий, бархатный, отточенный. Как вчера. Как позавчера. Как всегда.

— Спасибо, миссис Эшфорд.

— Можно — Селена.

— Спасибо, Селена.

Она улыбнулась. Очень короткой, умелой улыбкой. И отошла обратно к своему месту.

Я не обманывалась. Эта улыбка была её привычкой держать лицо в неподконтрольных ситуациях. И я уже знала, что лицо у Селены может улыбаться отдельно от того, что у неё происходит внутри.

Но она сказала слова. И слова были произнесены при свидетелях.

Войны без слов не объявляют.

* * *

— Садись, Ребекка, — сказал Джонатан, и впервые за это утро в его голосе появилось что-то близкое к будничности. — Позавтракай. Поговорим.

Я села между Айви и Мейсоном. Айви тут же придвинула ко мне кофейник — без вопросов, как будто мы пили кофе вместе уже год.

Мне поставили тарелку. Тосты, яйца, что-то с авокадо, маленькая чашка йогурта с ягодами. Я не была уверена, что смогу есть. Я взяла кусок тоста и держала его в руке, не поднося ко рту.

— Расскажи мне про школу, — сказал Джонатан.

Я положила тост.

— Я отчислилась, — сказала я. — После аварии. Я не стала ходить, я не могла. Мистер Харрис, мой адвокат, помог оформить досрочный уход с правом восстановления. Я... я думала, что вернусь куда-нибудь весной. Но я не понимала куда.

— А до того, как ты отчислилась, — какие у тебя были оценки?

— Отличные. — Я опустила глаза. — Я всегда хорошо училась.

— Где была школа?

— Государственная, в пригороде Миннеаполиса. Ничего, что могло бы тебя впечатлить.

— Меня впечатляют не школы, а оценки. — Он улыбнулся краем рта. — Документы в колледжи ты подавала?

— В три. В сентябре. Эссе мы писали с мамой на кухне. — Я заметила, что сама не дрогнула, говоря «с мамой». — Решения должны были прийти весной.

— Куда подавала?

— В Миннесотский университет, колледж Макалестер и колледж Карлтон. Все недалеко от дома. Я не хотела уезжать от родителей.

Джонатан кивнул и повернулся к Селене.

— Я сегодня свяжусь с Crestbridge. Я хочу, чтобы Ребекка закончила выпускной год там. С Айви.

Селена аккуратно поставила чашку.

— В ноябре? — переспросила она мягко. — Дорогой, ты понимаешь, что это...

— Я понимаю.

— ...что в Crestbridge не берут просто так?

— Мы в Crestbridge главные спонсоры в попечительском совете, Селена. Думаю, найдут одно место.

— Это будет нехорошо смотреться, — сказала она тоном самой заботы.

— Меня не интересует, как это будет смотреться, — ответил он тем же тоном — почти лаской. — Я попрошу тебя, пожалуйста, помочь Ребекке с документами для перевода. И с гардеробом. У тебя это получается лучше, чем у меня.

— Конечно, дорогой.

Я заметила, как Айви коротко стрельнула глазами в сторону Мейсона. Мейсон в ответ так же коротко стрельнул в Айви. У них был свой беззвучный язык. Но я уже понимала, что Селена только что получила задание, которое она не хотела, и оба её ребёнка это увидели.

— И ещё, Ребекка, — Джонатан повернулся обратно ко мне. — Ты хотела остаться в Миннесоте. Я не стану тебя переубеждать. Если захочешь учиться там, где выбрала, так и будет. Можем вместе посмотреть, нужны ли ещё заявления. Эссе, которые ты писала с мамой, у тебя сохранились?

— Да. На ноутбуке.

— Хорошо. Мы их не будем переписывать. Мы добавим к ним новые, если нужно.

Я подняла глаза.

Он смотрел на меня очень спокойно. И я поняла, что он только что сделал для меня то, чего я никогда никому не объясняла, — он понял, что эссе, написанные с Мелани, нельзя трогать. Просто понял, без объяснений.

Айви положила ладонь мне на колено под столом. Я даже не вздрогнула. Я кивнула.

— Спасибо, — сказала я.

Селена улыбнулась снова. Той же улыбкой.

И мне впервые в жизни захотелось встать и уйти из-за стола, чтобы не видеть эту улыбку.

Но я не встала, а продолжила допивать кофе.

* * *

После завтрака Айви и Мейсон ушли. Айви в школу, а Мейсон поехал в аэропорт, он должен был вернуться обратно в Йель. Дом стал заметно тише.

Селена тоже куда-то ушла — с телефоном в руке и таким лицом, будто собиралась объявить кому-то войну. Она скрылась в одной из дальних комнат, и я не хотела знать, кому звонит.

Прежде чем Джонатан нашёл меня, я успела написать Кире:

«Тест положительный. Он мой отец».

Ответы посыпались почти сразу.

«ЧТО»

«Бек, ты серьёзно?»

«Ты где сейчас?»

«Всё ещё у них. Меня трясёт».

На экране появились три точки. Исчезли. Потом появились снова.

«Так. Дыши».

«Медленно. Как мы учили».

«Тебе позвонить?»

«Не могу сейчас».

«Хорошо. Но держи телефон при себе».

Следом пришло ещё одно сообщение:

«И напиши мне через полчаса. Если пропадёшь, я прилечу и лично испорчу этим богачам день».

Я невольно улыбнулась.

«Я с тобой, Бек. Всегда».

Я выдохнула — действительно, как она просила.

Джонатан нашёл меня у окна большой гостиной.

— У тебя есть полчаса? — спросил он. — Я хочу пройтись.

Я кивнула.

* * *

Мы вышли через боковую дверь. После пасмурного утра воздух уже успел прогреться. Вдоль гравийной дорожки темнели подстриженные изгороди, между оливами и кипарисами блестели ещё влажные листья. Где-то за домом негромко стрекотала садовая машинка.

Мы шли молча первые минут пять.

Потом Джонатан достал из внутреннего кармана маленький конверт и протянул мне.

— Я сейчас сделаю то, что, скорее всего, тебя разозлит.

— Обнадёживающее начало.

— Открой.

Внутри лежала чёрная банковская карта. На нижнем краю было выгравировано: «R. ASHFORD MILLER».

— Нет, — сказала я.

Он чуть приподнял брови.

— Это ответ на карту или пока на меня целиком?

— Пока на карту. У меня есть деньги, Джонатан. От дома, от страховки. Родители всё рассчитали, даже колледж.

— Я знаю.

— Не похоже.

Он убрал руки в карманы и посмотрел на дорожку.

— Похоже, я выбрал самый дорогой способ сказать простую вещь.

— Какую?

— Что в экстренной ситуации тебе не придётся ни у кого ничего просить. И что я не пытаюсь заменить Мелани и Дэвида. Я всё равно не смогу.

Злость, уже поднявшаяся во мне, сбилась с шага.

— Можно было начать с этого.

— Можно. Но тогда мне пришлось бы признать, что я волнуюсь, а я, как выясняется, плохо умею быть отцом вслух.

— Ты им стал сегодня.

— Нет. Можно считать, что вчера утром ты ворвалась в нашу жизнь.

Я снова посмотрела на карту.

— Давай так, — сказал он. — Положи её в ящик. Не хочешь — не пользуйся. Но если понадобится, ты всегда можешь воспользоваться ей.

— Ты всегда так ведёшь переговоры?

— Нет. Обычно у меня есть юристы.

Я не удержалась и улыбнулась.

— Ладно. Я её не верну. Сегодня.

— Для первого раунда это почти победа.

Я убрала карту в карман.

Мы пошли дальше.

— Селена поможет тебе с одеждой, — сказал он через несколько шагов.

— «Поможет» — это когда я могу отказаться?

— С Селеной это обычно означает, что после отказа одежды станет вдвое больше.

— Отлично.

— В Crestbridge есть форма. Также будут семейные ужины и благотворительные вечера.

Она подберет тебе необходимое.

— А если я не знаю, какой вилок есть?

— Смотри на Айви. На Мейсона не смотри, он ест всем подряд.

Мы дошли до сухого фонтана. Я остановилась.

— Можно ещё одну неловкую вещь?

— У нас сегодня на них хороший день.

— Я пока не могу называть тебя папой.

Он кивнул сразу, не дав мне оправдываться.

— Я знаю. И не прошу.

— Но, может быть, когда-нибудь смогу.

Он посмотрел на меня, и его лицо изменилось — совсем немного.

— Не обещай срок.

— Не буду.

— Тогда я подожду.

Он обнял меня. На этот раз я подняла руки сразу, и у сухого фонтана мы простояли дольше, чем собирались.

* * *

К вечеру дом изменился.

Я не знала, как точнее это объяснить. Персонал теперь обращался ко мне иначе — вместо «мисс Миллер» говорил «мисс Эшфорд», осторожно, с вопросом в интонации, словно ждал, не поправлю ли я. Я никого не поправляла. Это теперь часть моей новой жизни.

Селена за ужином была идеальной хозяйкой. Она спрашивала меня про погоду в Миннесоте, про мою школу, про моих учителей, про то, есть ли у меня аллергии («чтобы шеф учитывал»). Голос у неё был всё такой же мягкий. Но улыбка все выдавала. Я отвечала вежливо и коротко.

Джонатан в какой-то момент поднял бокал.

— Crestbridge согласилась принять Ребекку с завтрашнего дня. Выпускной класс, вместе с Айви. В субботу устроим семейный ужин, только близкие и несколько старых партнёров.

— Хорошо.

— И — я попросил Селену помочь Ребекке с гардеробом. Спасибо тебе, дорогая, что согласилась.

— С удовольствием, — мягко ответила Селена.

Она улыбнулась мне через стол. И я улыбнулась в ответ — той же тщательно отмеренной улыбкой, которой только что научилась.

После ужина Джонатан ушёл в кабинет — звонок Харрису, на который он попросил у меня разрешения. Я согласилась. Я хотела, чтобы Харрис знал.

Я тоже встала из-за стола и пошла к лестнице.

Селена догнала меня в коридоре.

Она не позвала. Она просто оказалась рядом, как будто всегда там была. У неё была эта способность — появляться без шагов.

— Ребекка, — сказала она. — Можно на минуту?

— Конечно.

Она подошла так близко, что я почувствовала её духи — лёгкие, дорогие, с нотой ириса. Голос у неё был тихий. Почти ласковый.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, дорогая.

— Слушаю.

— Мы дадим тебе шанс. — Она улыбнулась. — Все мы. Серьёзно. Не буду препятствовать тебе ни в школе, ни в гардеробе, ни в чём, о чём попросит Джонатан. Я буду образцовой мачехой. Это моё обещание тебе.

— Спасибо.

— Взамен попрошу об одном. Не разрушай этот дом. Я собирала его по швам после того, как он уже однажды рухнул, и знаю, где трещины. Ты не кажешься мне злой, Ребекка. Но большие перемены ломают вещи и без злого умысла. Будь осторожна.

Я смотрела ей в глаза и не моргала.

— Я не пришла разрушать ваш дом, миссис Эшфорд.

— Селена, дорогая.

— Селена.

— Знаю. — Она положила свою тонкую, безупречно ухоженную руку мне на предплечье. Прикосновение было лёгким, как у бабочки. — Просто хочу, чтобы мы обе помнили: иногда люди разрушают, не желая того.

Она убрала руку.

И ушла, не оглядываясь, по тому же коридору, по которому только что подошла.

Я осталась стоять.

В тот миг я поняла ясно, Селена играет в свою игру. С этой минуты в этом доме идёт война. Я выдохнула и пошла к лестнице.

* * *

Маргарет ждала меня на втором этаже.

— Мисс Эшфорд, — сказала она. И на этот раз я не поправила. — Ваша комната готова. Я вас провожу.

— Готова?

— Мистер Эшфорд распорядился сегодня утром.

Она пошла впереди.

Новая спальня находилась уже не в гостевом коридоре. Маргарет провела меня в другую часть второго этажа — туда, где располагались комнаты Айви и Мейсона.

В конце коридора Маргарет открыла высокую двойную дверь.

— Прошу.

Когда двери открылись, я не сразу вошла.

Комната была большой и залитой вечерним светом. Высокие окна выходили в сад, на сухой фонтан и тёмную зелень деревьев. Возле одного окна стоял письменный стол, у другого — два кресла и круглый столик. У стены темнел погашенный камин, над ним висела картина с морским пейзажем. Широкая кровать с мягким изголовьем выглядела так, будто в ней можно было потеряться.

На письменном столе уже стоял новый ноутбук. Рядом лежали несколько чистых тетрадей и ручки, аккуратно сложенные в ряд.

Всё приготовили за несколько часов.

От этой мысли мне стало не по себе.

Ванная оказалась белой, мраморной и неприлично просторной. За следующей дверью обнаружилась гардеробная размером почти с мою спальню в Миннеаполисе.

Она была заполнена одеждой.

Я медленно раздвинула вешалки. Шёлковые блузки, тонкий кашемир, тёмные платья, лёгкие жакеты и тренчи. На полках стояла обувь в мягких чехлах, ниже — сумки, каждая на своём месте. Названия на ярлыках я знала из журналов: Chanel, Dior, Saint Laurent. Красные подошвы, золотые цепочки, нарочно потёртые кеды по цене небольшой машины.

Мама про такие вещи говорила: «Глупо, но красиво».

Я почти услышала её голос и отдернула руку от чёрного платья.

— Всё подобрано для меня? — спросила я, когда Маргарет появилась в дверях.

— Да, мисс Эшфорд.

Новое обращение всё ещё заставляло меня вздрагивать.

— Они даже не знают моего размера.

— У миссис Эшфорд хороший глаз. Остальное уточнят стилисты.

Конечно. Селена успела определить мой размер быстрее, чем решить, хочет ли видеть меня в своём доме.

— Если вам что-нибудь не понравится, это уберут, — добавила Маргарет.

Я посмотрела на бесконечный ряд одежды.

— Я пока даже не понимаю, что из этого должно мне нравиться.

Маргарет немного смягчилась.

— Тогда не торопитесь решать.

Она ушла, оставив меня одну.

Я села на край кровати. Матрас почти не прогнулся под моим весом.

Комната была красивой. Наверное, любая другая девушка на моём месте бегала бы между гардеробной и ванной, рассматривала платья и звонила подруге по видеосвязи.

А мне казалось, что всё здесь приготовили не для меня.

Для Ребекки Эшфорд.

Для дочери Джонатана, ученицы Crestbridge и девушки, которая должна знать, какое платье надевают на семейный ужин.

Я всё ещё была Ребеккой Миллер. Девочкой из Миннеаполиса, которая носила джинсы, мамины толстовки и кеды до тех пор, пока у них не начинала отходить подошва.

В дверь тихо постучали.

— Мисс Эш... Ребекка, — поправилась Маргарет. — Ваши вещи уже принесли. Они в шкафу у входа. Если вам что-нибудь понадобится, рядом с кроватью находится телефон. Кнопка номер один соединяет со мной напрямую.

— Спасибо, Маргарет.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она вышла.

Я нашла свой чемодан в небольшом шкафу возле двери. Он стоял рядом с десятками новых коробок — старый, потёртый, с царапиной на боку. Единственная вещь в этой комнате, которую я узнавала.

Я достала фотографию Эвелин и поставила её на тумбочку.

Потом села рядом и долго слушала, как за окнами шуршит густая листва и где-то в глубине дома закрываются двери.

Утренний разговор в кабинете казался случившимся несколько дней назад. Завтрак, карта, прогулка с Джонатаном и объятие у сухого фонтана — тоже.

А слова Селены в коридоре всё ещё звучали совсем близко.

Я переоделась, легла в огромную чужую кровать и погасила свет.

Завтра был мой первый день в Crestbridge.

Глава 6

Я открыла глаза в шесть утра без будильника.

В первую секунду я не поняла, где я. Потолок был выше моего привычного, постельное бельё пахло иначе, у окна стояли длинные шторы, которых у меня никогда не было. Потом я повернула голову и увидела фотографию Эвелин на тумбочке.

И вспомнила.

Я лежала ещё минут пятнадцать, привыкая к мысли «это моё». Это моя комната. Эта кровать. Эта тишина. Эти шторы, которые сейчас, через полчаса, кто-нибудь невидимый из персонала раздвинет, если я не успею сама.

Я встала и раздвинула сама. За окном было ещё темно. На небе — тонкая фиолетовая полоса, которой обещают рассвет, и одинокая звезда.

Сегодня была среда и я шла в школу, в которой меня не ждали и которую я не выбирала. Посреди недели.

Я подошла к гардеробной и открыла дверь.

Ещё вчера гардеробная казалась частью чужой жизни, в которую меня заталкивали без спроса. Но сейчас передо мной впервые за долгое время стояла простая задача: выбрать, что надеть.

В Миннеаполисе я почти не думала об одежде. Доставала из шкафа джинсы, первую попавшуюся футболку или толстовку и через пять минут уже спускалась завтракать. Здесь выбор одежды почему-то напоминал подготовку к выходу на сцену.

На отдельной стойке висела форма Crestbridge: белая хлопковая рубашка с гербом школы, клетчатая юбка и галстук в тонкую полоску. На нижней полке стояли чёрные оксфорды.

Селена собрала всё заранее и угадала мой размер.

Я провела пальцем по вышитому гербу, потом сняла одежду с вешалок.

Рубашка оказалась мягкой и прохладной, а юбка села чуть выше колена. Я дополнила форму простой чёрной сумкой, в которую помещался ноутбук.

Перед зеркалом я задержалась дольше, чем собиралась.

Это по-прежнему была я. Те же тёмно-каштановые волосы, серо-зелёные глаза и привычка чуть поджимать губы, когда страшно. Только теперь я выглядела собранной. Будто точно знала, куда и зачем иду.

Жаль, что сама я ничего такого не знала.

Юбка открывала колени, и внезапно выяснилось, что у меня длинные ноги. Раньше они почти всегда были спрятаны в джинсах, поэтому я как-то не обращала внимания.

Я повернулась боком.

Форма мне шла.

Признаться себе в этом оказалось приятно и немного стыдно.

На несколько секунд я действительно стала похожа на девушку, которая выросла в этом доме, всю жизнь училась в Crestbridge и никогда не путалась в коридорах.

Потом взяла телефон, сфотографировалась в зеркале и отправила снимок Кире.

«Меня сейчас повезут в школу для богатых. Я никого там не знаю».

Ответ пришёл почти сразу.

«БЕК».

Следом:

«Ты выглядишь так, будто собираешься купить эту школу».

Я улыбнулась.

«Я выгляжу так, будто украла чужую форму».

«Неправда. Форма уже твоя».

«Мне страшно».

Три точки появились мгновенно.

«Знаю».

Потом ещё одно сообщение:

«Но они об этом знать не обязаны».

Я поправила галстук.

«А если кто-нибудь что-нибудь скажет?»

«Не оправдывайся. Не извиняйся. Смотри прямо и запоминай имена».

«Зачем имена?»

«У меня есть отдельный файл с людьми, которым я однажды испорчу жизнь».

«Ты ненормальная».

«Зато организованная».

Я рассмеялась уже вслух.

«Целую. Напишу после уроков».

«Жду. Иди и сделай вид, что школа принадлежит тебе».

Я убрала телефон в сумку, ещё раз посмотрела на себя в зеркало и пошла вниз.

Делать вид я умела не очень хорошо.

Но, возможно, сегодня стоило научиться.

* * *

Айви ждала меня в малой столовой. На ней была та же форма, но сидела она иначе: верхняя пуговица рубашки расстёгнута, ткань у пояса чуть выбилась, волосы собраны в высокий небрежный пучок. Перед ней стояла чашка кофе и лежало яблоко с единственным следом укуса.

Увидев меня, Айви подняла брови.

— Ого. Ты выглядишь так, будто тебя сейчас будут фотографировать для школьного сайта.

— Это плохо?

— Нет. В первый день лучше выглядеть безупречно. Всё равно будут разглядывать, зато ты не дашь им ничего лишнего.

— А потом?

— К концу недели перестанешь проверять каждую складку и поймёшь, что верхнюю пуговицу придумал человек, который ненавидел подростков.

Я расстегнула воротник.

— Уже лучше?

— Теперь хотя бы видно, что ты умеешь дышать.

Следом вошёл Джонатан — в светлых брюках и белой рубашке с открытым воротом. Пиджак он нёс в руке. У двери он остановился и посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Тебе идёт форма, — сказал он и сразу отвёл взгляд, будто комплимент потребовал от него больше смелости, чем деловая встреча.

— Спасибо.

— Готова?

— Смотря к чему.

— Хороший ответ. Значит, хотя бы не обманываешь себя.

Он сел за стол и налил кофе.

— Айви проведёт тебя по школе. После обеда мы с Селеной заедем к ректору, нужно закончить оформление перевода. Тебе присутствовать не придётся: несколько подписей и десять минут разговора.

— Обо мне?

— В основном о документах. Если разговор перейдёт на тебя, я напомню, что ты человек, а не приложение к личному делу.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Спасибо.

— И ещё. Если сегодня что-нибудь произойдёт, звони.

Селена появилась в дверях почти бесшумно. На ней была лёгкая светло-серая шёлковая блузка без рукавов. Она оглядела меня и улыбнулась.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая.

— Спасибо.

Она подошла и поправила воротник моей рубашки.

— Так и оставь расстёгнутым. К полудню будет жарко, а страдать ради школьной формы — бессмысленная жертва. В Crestbridge всё равно смотрят не на пуговицы, а на твое имя.

— Даже если это имя у меня появилось только вчера?

— Особенно тогда.

Селена задержала на мне взгляд.

— Удачного первого дня, Ребекка.

— Спасибо.

Айви допила кофе, поставила чашку и поднялась.

— Нам пора. Сегодня тебе простят растерянность, но опоздание воспримут как заявление.

В холле нас ждал водитель в светлой форменной рубашке.

— Доброе утро, мисс Эшфорд. Мисс Айви.

— Это Артур, — сказала Айви, пока мы шли к машине. — Он возит нас в школу, помнит всё, что мы забываем, и никогда не спрашивает, как мы умудрились снова попасть в неприятности. В нашем доме это почти сверхспособность.

— Вы часто попадаете в неприятности? — спросила я.

— Постоянно.

Артур открыл дверь машины. Айви посмотрела на меня с сочувствием.

— Ты теперь одна из нас. Конечно, понадобится.

Я села в машину следом за ней.

* * *

До Crestbridge было минут десять. Мы поднимались по холмам над Бел-Эйром, мимо высоких ворот и домов, которые почти не показывались из-за деревьев.

Я смотрела в окно, пока очередная каменная ограда не сменилась следующей.

— Сколько их здесь вообще?

— Домов? Около тридцати. Может, больше. Некоторые из совета будто задолжали государству.

— А что «совет»?

Айви закатила глаза.

— Человек двадцать жильцов. Они периодически собираются, пьют и делают вид, что решают судьбу района. Обычно решают, кого не позвать на ужин.

— Звучит серьёзно.

— Ещё бы. Один неправильно выбранный гость и у кого-нибудь нервный срыв.

Я улыбнулась и снова посмотрела в окно.

— Все из школы живут здесь?

— Почти. Многие знают друг друга с детского сада, поэтому не удивляйся, если они начнут обсуждать историю, которая произошла двенадцать лет назад. Они до сих пор помнят, кто обмочился на утреннике.

— Надеюсь, это была не ты.

— Я никогда не признавалась, и сейчас не начну.

— А остальные?

— Есть стипендиаты.

Айви повернулась ко мне и убрала со лба выбившуюся прядь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.